

ВОССТАНИЕ МЕНЬШИНСТВ

Косово. Молдавия. Украина. Грузия. Курдистан

Антология
Серия: Евровосток
Издательство: Европа
2006 г.

Брошюру можно трактовать как своего рода справочник по географии тлеющих конфликтов, каждый из которых может в любой момент перейти в острую фазу. Как показывают авторы, знающие проблему изнутри, до настоящего времени упорным, чрезвычайно рискованным дирижером этого "оркестра" выступают США, которых отнюдь не останавливают ни трагедия распада Югославии, ни драма Ирака.

Именно США проводят линию создания мусульманских очагов напряженности, ослабляющих и Европу, и Турцию, пытаются одновременно играть на стремлении венгров в Румынии, гагаузов в Молдавии утвердить свою автономию, не дать стать на ноги автономии Приднестровья в Молдавии, Абхазии и армянского анклава Джавахети в Грузии.

Все это рядом, все нас касается напрямую, и знать карту конфликтов в финальной стадии администрации Джорджа Буша необходимо.

В оформлении обложки использована репродукция картины Эдварда Мунка «Крик»

- Сербия, Черногория, Косово
 1. План США для Косово: независимость, ООН, НАТО, репарации с Сербии
 2. Святослав Григ. Дейтон мертв: 10 лет политики США и новая карта Балкан
 3. ООН: статус Косово больше не зависит от демократизации
 4. Еще одно Косово: албанцы «доедают» Сербию
 5. Косово и Черногория: сообщество с Сербией или независимость?
- Молдавия и Румыния
 1. Станет ли Румыния федерацией: венгры требуют автономии
 2. Валерий Турсунов. Идет скрытое поглощение Молдавии Румынией
 3. Николай Бабилунга. Если бы у нас перед глазами не было горького примера Гагаузии...
 4. Григорий Маракуца. Кишинев сам подталкивает нас к тому, чтобы мы последовали примеру Косово
 5. Опрос: половина приднестровцев уверена в суверенном будущем Приднестровья
 6. Опрос: 86% украинцев Молдавии готовы бежать от ассимиляции
- Украина
 1. Александр Един. «Украинский геноцид»: польские исторические претензии к Украине
 2. Димитрий Сидор. Цель политики украинских властей – насильственная ассимиляция русинского народа
 3. Алексей Добычин. Война в Крыму неизбежна
 4. Даниил Коптив. Федеративная Республика Украина
- Грузия
 1. Закавказская аномалия и Джавахский вопрос – мини-империи в новой реальности
 2. Сергей Минасян. Почему армяне Самцхе-Джавахети требуют у властей Грузии автономии?
 3. Сергей Минасян. Автономизация Самцхе-Джавахети исходит из интересов Грузии

4. Сергей Минасян. Армяно-американские иллюзии Тбилиси и ситуация в Джавахке
- Курдистан
 - 1. Виген Акопян, Мамед Сулейманов. Итоги выборов в Ираке: Курдистан и новый региональный расклад
 - 2. Юрий Набиев. Россия и курды
 - 3. Мамед Аракелов. Дежавю: третья попытка Закавказской федерации
 - 4. Игорь Мурадян. Сближение интересов США и Ирана на карабахской почве

Сербия, Черногория, Косово

План США для Косово: независимость, ООН, НАТО, репарации с Сербии

ПО ЗАЯВЛЕНИЯМ Государственного департамента США, 2006 год станет решающим для Косово в плане обретения краем суверенитета. В решение этой проблемы вовлечены не только другие государства и межправительственные объединения, но и множество неправительственных и некоммерческих организаций, которые прорабатывают различные аспекты международно-правового статуса края.

Одной из таких неправительственных организаций стала авторитетная Группа публичного международного права и политики (Public International Law and Policy Group, PILPG) из США. Особенность этой организации в том, что она в основном состоит из ведущих американских юристов, преподающих в лучших вузах страны. В ее работе также участвуют бывшие государственные служащие США и ныне действующие дипломаты. (Может, в ее работе также участвуют представители дипломатического корпуса и бывшие государственные служащие, которые нашли свое место в деловых кругах и университетской науке. По смыслу текста мне кажется это более правильным.) Руководит группой профессор факультета правовых и международных отношений вашингтонского Американского университета Пол Вильямс, который до этого служил юридическим советником по европейским и канадским делам в Государственном департаменте США.

PILPG работает в четырех практических направлениях:

- построение мира;
- международное правосудие;
- постконфликтное политическое развитие;
- публичное международное право.

Одно из приоритетных направлений работы этой группы – оказание помощи автономиям в получении суверенитета. Сегодня PILPG помогает Косово добиться независимости. Подытоживая результаты своей деятельности на Балканах в 2005 году, PILPG представила свою программу «20 принципов», которая фактически представляет собой американский план суверенизации Косово. Этот план приводится ниже.

1. Косово – суверенное, полностью независимое демократическое государство, которое должно стать членом ООН и всех остальных возможных международных организаций.

2. За Косово закрепляются территории на основе границ, определенных югославской конституцией 1974 года (по этой конституции Косово становится автономным краем с максимально возможными полномочиями, за исключением добровольного выхода из состава Сербии).

3. Косово должно полностью интегрироваться в международное сообщество и следовать традициям и нормам международного законодательства.

4. Косово имеет право претендовать на членство в ЕС через заключение стабилизационного и ассоциативного договора.

5. Косово имеет право претендовать на полное членство в НАТО.

6. Косово должно управляться волей народа на основе собственной конституции, соответствующей стандартам ЕС. Эта конституция и соответствующие законы должны стать основой системы управления в Косово.

7. Косово обязуется уважать и предоставить все основные человеческие права и свободы всем своим гражданам, включая права, прописанные в международных конвенциях и договорах ООН, ЕС и ОБСЕ.

8. Косово должно установить конституционные гарантии и верховенство закона.

9. Косово должно обеспечить законные гарантии для всех граждан, включая меньшинства, на равные права и право беженцев вернуться в покинутые дома.

10. Косово устанавливает свободу вероисповедания и сохраняет свое культурное наследие.

11. Косово должно обеспечить правовые гарантии и механизмы для закрепления за всеми своими гражданами, включая меньшинства, необходимых прав и свобод и гарантировать беженцам возможность беспрепятственного возвращения в свои дома.

12. Косово должно делать все возможное, чтобы наладить хорошие дружественные отношения с соседними государствами для обеспечения безопасности и стабильности в регионе.

13. Косово полностью ответственно за свою внешнюю и внутреннюю безопасность. И закрепляет за НАТО право присутствовать в регионе с целью поддержания стабильности.

14. Косово должно привлекать специализированные международные организации для участия в разработке и становлении эффективного государственного устройства, наблюдения за безопасностью и гарантирования соблюдения гражданских прав и прав меньшинств согласно конституции и заключаемым стабилизационным договорам с ЕС.

15. Косово должно продолжить становление рыночной экономики, открытой для зарубежной торговли и инвестиций. Косово следует претендовать на участие в международных финансовых институтах.

16. Косово должно обеспечить свободное перемещение людей, капитала и информации.

17. Косово должно претендовать на высокий статус согласно нормам и законам бывшей Югославии и строить механизмы для успешного сотрудничества с Сербией.

18. Косово настаивает на возвращении пенсий и денежных репараций с Сербии.

19. Косово настаивает на возвращении всех исторических, законных, гражданских, частных и государственных документов и артефактов согласно кадастровым данным.

20. После становления независимости в Косово и создания легитимного парламента на основе конституции полномочия МООНК (закрепленные резолюцией 1244 Совета Безопасности ООН) должны быть переданы парламенту Косово).

Святослав Григ.

Дейтон мертв: 10 лет политики США и новая карта Балкан

ЧУТЬ БОЛЬШЕ НЕДЕЛИ назад мировое сообщество как-то уж очень рутинно и буднично отметило десятую годовщину Дейтонских соглашений, ставших одним из поворотных моментов в развитии балканского кризиса 1990-х. Это тем более парадоксально, если вспомнить, что в свое время эти соглашения преподносились как «краеугольный камень боснийского мира», «решающий шаг в урегулировании всего балканского кризиса». Напомним, что Дейтонский мирный договор, подписанный 21 ноября 1995 года, положил конец четырехлетней гражданской войне между

хорватами, сербами и мусульманами, унесшей жизни 300 тыс. человек. Решающую роль в заключении мира сыграл Запад, и прежде всего США, однозначно вставшие в конфликте на сторону мусульман и хорватов и бросившие против сербов авиацию НАТО.

Лидеры боснийских мусульман, хорватов и сербов Алия Изетбегович, Франьо Туджман и Слободан Милошевич, с трудом переносившие друг друга, были заперты американцами на военно-воздушной базе Райт-Патерсон вблизи городка Дейтон в штате Огайо и после двухнедельного заточения фактически под принуждением заключили мирный договор.

В подписанных документах (Генеральное рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине плюс 11 приложений) закреплялась федеративная структура Боснии и Герцеговины, состоящей из Мусульмано-хорватской федерации (51% территории страны) и Республики Сербской (49%). Руководителем Боснии и Герцеговины становился коллективный президиум, главное кресло в котором поочередно занимали лидеры боснийских мусульман, хорватов и сербов.

В конституции фиксировалось временное участие представителей международного сообщества в работе основных секторов государственного управления. По мандату ООН в Боснии разместились силы стабилизации (СФОР) – 36 тыс. человек с ядром из военнослужащих НАТО. Дейтонский мир покончил с вооруженным конфликтом в Боснии и Герцеговине, однако не разрешил глубинные противоречия между боснийскими мусульманами, православными сербами и католиками-хорватами. Это, как представляется, и стало причиной сдержанной реакции в мире на годовщину Дейтонских соглашений.

Все конфликтующие стороны уже в момент подписания документов не скрывали и не скрывают и сейчас своего разочарования достигнутыми договоренностями. Мусульмане утратили надежды на осуществление своей давней мечты – превращение Боснии в унитарное исламское государство. Сербы лишились возможности обрести независимость в границах их исконных земель в Боснии и даже потеряли часть своих территорий. Хорваты недовольны тем, что им не удалось добиться присоединения к Хорватии населенных ими боснийских земель. Даже фактический автор дейтонских соглашений – спецпосланник президента США Билла Клинтона Ричард Холбрук – признал, что принципиальные пункты договоренностей не выполнены: все три группы населения держат свои армии, многие военные преступники остаются на свободе, сотни тысяч беженцев не смогли вернуться в свои дома.

Другими словами, провозглашенной десять лет назад благородной цели – построить на боснийской земле единое демократическое многонациональное государство – достичь не удалось. Более того, по мнению многих наблюдателей, угроза межэтнического вооруженного конфликта в Боснии далеко не снята, она лишь приглушена благодаря присутствию миротворцев. Стоит им уйти, и конфликт может вспыхнуть с новой силой.

Причина же этого, как видится, лежит на поверхности: Дейтонский мир заведомо был обречен на неуспех, поскольку вряд ли можно силой принудить сербов, мусульман и хорватов мирно жить рядом в рамках одного, да и к тому же искусственно созданного государства. Трудно назвать жизнеспособным государство, являющееся продуктом навязанных извне условий, а не результатом вызревших межнациональных договоренностей.

Косвенно это признали и официальные представители США. В ходе октябрьского турне по Балканам заместитель госсекретаря США Николас Бернс высказался за конституционную реформу в Боснии и Герцеговине в направлении укрепления, централизации власти, что фактически означает призыв к ревизии Дейтона. Речь идет о введении должности единого председателя президиума (по сути, президента), расширении полномочий центрального правительства и укреплении единого парламента.

22 ноября 2005 года на встрече в Вашингтоне лидеры Боснии и Герцеговины согласились начать предложенные США конституционные реформы, нацеленные, по замыслу авторов, на преодоление межэтнических противоречий и подготовку к вступлению страны в ЕС и НАТО. Они должны были завершиться к марту 2006 года.

К усилиям Вашингтона в этом направлении подключились и европейцы. 21 ноября 2005 года министры иностранных дел стран – членов ЕС договорились начать с Боснией переговоры о стабилизации, которые в будущем могут привести страну к членству в Евросоюзе. Планы Вашингтона по пересмотру Дейтонских соглашений не вызвали особых восторгов у представителей всех трех этнических общин Боснии и Герцеговины, однако и противодействовать им никто не решился. Нет сомнений, что, опираясь на свою военную и финансовую мощь, американцы сумеют «продать» изобретенные ими рецепты для Боснии. Вопрос лишь в том, приведет ли конституционная реформа в этом образовании к прочному, устраивающему все стороны урегулированию.

Ситуация осложняется тем, что, судя по всему, ревизия Дейтона является лишь одним из сегментов в комплексе новых подходов США и в целом Запада к Балканам. Дело в том, что в 2006

году Запад, как видится, доведет до логического конца свой многолетний проект под названием «Независимость Косово». Весной 2006 года, опять же с благословения Вашингтона и ЕС, в Черногории пройдет референдум, на котором большинство, как прогнозируется, выскажется за независимость от Сербии. Вашингтон, как показывают события, не имеет принципиальных возражений против независимости Черногории и Косово.

Вкупе же «новый курс» США на Балканах может радикально взломать военно-политическую ситуацию в этом регионе, разбередить едва затянувшиеся, но не залеченные раны постюгославского конфликта. Возникает много вопросов, например, выдержат ли «принужденные к миру» Балканы неизбежный новый виток напряженности, связанный с появлением новых независимых государств; как отреагируют сербы на две новые оплеухи Запада (независимость Косово и Черногории); как поведет себя Тирана, судя по всему, успешно продвигающаяся по пути строительства «Великой Албании» из собственно Албании, Косово и части Македонии? Вопросов много, а ясных ответов на них нет.

Ясно одно: однажды избранный под руководством США план «умиротворения» Балкан, как ожидалось, на деле оказался примитивным планом расчленения не только Югославии, но и Сербии и планом ползучего создания или укрупнения в сердце Европы новых мусульманских государств. Любовь США к выращиванию «исламской угрозы», которую они сами впоследствии не смогут контролировать, известна. Но в чем здесь воля и интерес самой Европы?

ООН: статус Косово больше не зависит от демократизации

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ООН счел возможным начать процесс переговоров о будущем статусе сербского края Косово, находящегося более шести лет под протекторатом ООН после агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии (ныне Содружество Сербии и Черногории). Многие уже были готовы к такому решению, а это стало еще более очевидным после обнародования специальным представителем Генерального секретаря ООН Каем Эйде обширного доклада о положении в Косово, в котором был сделан вывод о целесообразности проведения переговоров о статусе края. Этот вывод еще раз подтвердил свершившийся переход от ранее провозглашенной политики «сначала стандарты, а затем статус», предполагавшей определение статуса Косово после применения одобренных ООН для Косово стандартов демократического общества, к политике «стандарты и статус», то есть параллельного установления статуса края и соблюдения указанных стандартов.

Косовская проблема – одна из сложнейших проблем современности, о чем свидетельствует и многообразие подходов к ее решению. Высказывавшиеся на открытом заседании СБ ООН суждения по этой проблеме заслуживают особого внимания, поскольку они в целом достаточно полно, хотя и с разных позиций освещают положение дел. Кай Эйде, например, отметил противоречивость ситуации в Косово: наряду с определенными сдвигами в становлении институтов управления и создании правового механизма положение в области межэтнических отношений остается «мрачным», частые вспышки насилия сказываются на обстановке безопасности и свободе перемещения, в крае по-прежнему царит атмосфера безнаказанности, судебная система остается слабой, организованная преступность и коррупция, как и прежде, являются серьезной угрозой стабильности в Косово. Процесс возвращения сербских беженцев практически полностью остановился: в настоящее время Косово покидает столько же или даже больше косовских сербов в сравнении с тем, сколько их возвращается назад. Серьезные трудности испытывают не только сербское, но и другие национальные меньшинства. Обеспечение более широкой децентрализации, предусматривающей расширение функций муниципалитетов, является важным элементом всех усилий, направленных на построение жизнеспособного многоэтнического Косово, в котором бы все общины могли в значительной степени сами определять свою жизнь.

Несмотря на наличие таких серьезных проблем, по мнению Кая Эйде, настало время для определения будущего статуса Косово. Откладывание этого вопроса вряд ли поможет добиться существенного прогресса в деле осуществления стандартов. «Убежден, – сказал он, – что все стороны нуждаются в ясности относительно будущего статуса Косово... Ясность в этом вопросе позволит устранить источник нестабильности, препятствующий сегодня политическому и экономическому развитию Косово, а также региона в целом». Имея в виду опасность того, что теперь все усилия будут направлены на определение статуса в ущерб осуществлению стандартов, Кай Эйде оговорился, что успех этого процесса будет зависеть от результатов осуществления стандартов. Говоря об особенностях предстоящих переговоров, он отметил, что в Косово нет прочной основы для реализации мирных планов, а также и то, что эти переговоры касаются территории, которая по-прежнему является частью суверенного государства, но временно находится под управлением ООН. Кай Эйде высказался

за сохранение международного присутствия – военного и гражданского – в Косово, подчеркнув, что «начало процесса определения статуса Косово означает начало не последнего, а следующего этапа такого присутствия».

Глава миссии ООН в Косово Серен Йессен-Петерсен сделал акцент на позитивных сдвигах в Косово и озвучил письмо председателя правительства Косово, в котором было заявлено о его приверженности обеспечению прогресса. Отметив, что сохранение статус-кво в Косово не является «жизнеспособной альтернативой», он высказался за определение окончательного статуса Косово, считая, что это может оказать лишь положительное влияние на весь регион, хотя окончательный результат переговорного процесса никому не известен. Сообщая о работе над объединением плана реализации стандартов с планом действий по европейской интеграции Косово, глава миссии говорил о крае как о вполне самостоятельном государственном образовании, полагая возможным дальнейшее расширение полномочий местных органов управления. Ситуация в Косово, по его словам, стабильна, однако «предстоящий процесс определения статуса чреват рисками и ставит политических лидеров перед сложным выбором». Предстоящий переговорный процесс, говорил он, дает возможность Белграду принять в нем участие, а у косовских сербов появляется возможность определить свое место в будущем Косово.

Обращаясь к Совету Безопасности ООН, председатель правительства Сербии Воислав Коштуница заявил, что для будущего Косово необходимо мирное, согласованное и компромиссное решение, предусматривающее установление настоящей автономии при соблюдении суверенитета и территориальной целостности Сербии и Черногории, и выразил готовность Содружества Сербии и Черногории обеспечить такую автономию Косово в составе содружества, при которой законные интересы косовских албанцев будут должным образом признаны. По его мнению, существует общая убежденность в том, что не подлежит рассмотрению возможность расчленения какого-либо демократического государства и насильственного изменения его границ. В противном случае это станет «опасным прецедентом с далеко идущими серьезными последствиями для международного порядка в целом».

Отметив, что в резолюции 1244 Совета Безопасности и других документах ООН четко подтверждается суверенитет и территориальная целостность Сербии и Черногории, он выразил уверенность в том, что в своих предстоящих решениях Совет Безопасности ООН не отойдет от этого основополагающего принципа. Воислав Коштуница подробно говорил о сложной ситуации в крае, тяжелом и опасном положении сербского и других неалбанских национальных меньшинств. По поводу рекомендации Кая Эйде приступить к переговорам о будущем Косово Воислав Коштуница выразил сомнение в их успешности, поскольку ключевые стандарты прав человека и основных свобод в Косово не только не достигнуты, но нет и надежд, что они будут обеспечены в ближайшем будущем. Он особо подчеркивал необходимость прямых переговоров между представителями заинтересованных сторон при содействии специального представителя – если не с самого начала, то на заключительной их стадии. После закрытых консультаций членов Совета Безопасности его председатель выступил с заявлением, в котором призвал косовских лидеров усилить работу по реализации демократических стандартов, уделив особое внимание защите национальных меньшинств, осуществлению процесса децентрализации, обеспечению возврата беженцев, сохранению культурного и религиозного наследия, развитию процесса примирения. К властям в Белграде был обращен призыв конструктивно включиться в этот процесс, с тем чтобы облегчить его проведение. Совет Безопасности поддержал намерение Генерального секретаря ООН Кофи Аннана начать политический процесс по определению будущего статуса Косово, как это предусмотрено резолюцией 1244 Совета Безопасности ООН от 10 июня 1999 года, и назначить специального представителя для руководства предстоящим переговорным процессом. Совет Безопасности подтвердил рамки резолюции 1244 и вновь высказался за формирование «многоэтнического и демократического Косово, что должно укрепить региональную стабильность».

Совет Безопасности ООН принял важное политическое решение. Какова будет позиция контактной группы, которая должна собраться в первых числах ноября, кто будет специальным представителем Генерального секретаря ООН – эти и многие другие вопросы еще требуют своего ответа.

Ноябрь 2005 года

Еще одно Косово: албанцы «доедают» Сербию

АЛБАНСКИЕ ДЕПУТАТЫ трех общин на юге Сербии – Буяновац, Прешево и Медвежья, находящихся рядом с краем Косово, в которых албанцы составляют значительную часть населения,

потребовали предоставления политико-территориальной автономии. На совместном заседании албанских депутатов скупщин этих общин, расположенных в Прешевской долине, была принята платформа о специальном статусе этой долины, в которой содержится требование децентрализации власти и передачи компетенции центральной власти местной администрации, полной демилитаризации долины, вывода сербских войск и полиции и ликвидации всех военных баз, а также формирования специальной пограничной полиции из местных жителей. В этом документе была также поставлена задача создания конституционно оформленной администрации, которая занималась бы вопросами экономического развития и использования природных ресурсов, культуры и образования, правосудием, деятельностью многонациональной полиции, вопросами применения языка и национальных символов, жилищной сферой, здравоохранением и социальной защитой. Имеется в виду сформировать местные судебные и соответствующие правоохранительные органы. Подчеркнута необходимость полного соблюдения провозглашенной в 2002 году амнистии боевикам из так называемой освободительной армии этого региона.

В платформе выдвинуто требование установления особых отношений с Косово, в частности согласования системы образования в Прешевской долине с соответствующей системой Косово. «Уважая стремление населения к определению Прешевской долины как особого конституционно-территориального региона, – говорится в этом документе, – и поддерживая установленные контактной группой принципы о статусе Косово, депутаты обязуются в случае нарушения этих принципов и возможных изменений его границ выступить за объединение Прешевской долины с Косово». (В ходе обсуждения был принят ряд дополнений, но все же было отклонено предложение переименовать Прешевскую долину в Восточное Косово.) «До тех пор, пока не будет найдено прочное решение о политическом статусе Прешевской долины, – подчеркивается в документе, – этот регион реально будет кризисной точкой в системе евроатлантической интеграции».

Председатель скупщины общины Прешево Рагми Мустафа заявил, что принятие платформы – логическое продолжение референдума 1992 года, когда подавляющее большинство албанского населения этого региона высказалось за «территориальную и политическую автономию Прешевской долины с правом присоединения к Косово». Текст платформы планируется передать правительству Сербии, о ней будет информирована международная общественность, а председатель албанской партии «Демократический союз долины» С. Дестани выразил уверенность, что она будет предметом рассмотрения на переговорах о статусе Косово. Другого мнения придерживаются сербы Прешевской долины. Они считают, что албанцы не могут требовать предоставления особого статуса региону, так как они составляют лишь часть населения, а для принятия такого решения необходимо знать мнение всех его жителей.

Для руководства Сербии принятие платформы не явилось неожиданным, ибо еще с 1999 года было очевидно стремление албанских радикалов интернационализировать вопрос об этих общинах и рассматривать его через призму решения косовской проблемы. По словам руководителя координационного органа правительства по югу Сербии Р. Лаича, это – политико-тактический шаг, который имеет своей целью усилить позиции албанцев на переговорах о будущем статусе Косово и привлечь внимание общественности к югу Сербии, проводя такую параллель: если Сербия требует автономии для сербов в Косово, тогда и мы будем требовать автономию для албанцев на юге Сербии. Вместе с тем он полагает, что необходимо, продолжив реализацию программы развития юга Сербии, рассмотреть те разделы платформы, которые касаются большего участия албанцев в правосудии, полиции, здравоохранении и образовании. Однако, считает Р. Лаич, требования большей автономии, особых связей с Косово и вывода войск и полиции не имеют никаких оснований, и они не получают поддержки международной общественности. В этой связи напоминают о том, что послы США и Германии в Белграде при посещении Буяновца говорили местным албанским лидерам, что проблемы юга Сербии не следует связывать с переговорами о статусе Косово.

Все ведущие партии Сербии негативно восприняли платформу о специальном статусе Прешевской долины. По мнению Демократической партии Сербии, принятие платформы – это провокация, в Демократической партии считают, что не может быть никаких переговоров об автономии Прешевской долины, заместитель председателя Сербской радикальной партии Томислав Николич вообще выступил за роспуск местных органов власти в этом регионе, а Социалистическая партия Сербии решительно высказалась против раздробления страны. Интересно, что за два дня до принятия платформы руководители упомянутых общин встречались с председателем правительства Сербии Воиславом Коштуницей, но тогда речь шла не о платформе, а о новых инвестициях в развитие этого региона и большем участии албанцев в органах власти. Кстати, за последние четыре года в эти общины вложено в два раза больше средств, чем в соседние сербские.

Председатель правительственного координационного центра по Косово и Метохии Санда Рашкович-Ивич считает, что принятие платформы является составной частью стратегии косовских

албанцев. Председатель Сербского национального вече Северного Косово Милан Иванович заявил, что принятие платформы синхронизовано с намерениями албанских лидеров Косово. Это мнение не лишено оснований, если вспомнить недавнее посещение юга Сербии руководителем одной из ведущих албанских партий Косово Ветона Суройя, который является членом делегации Косово на переговорах о статусе этого края. Именно через него лидеры албанцев Прешевской долины, по словам Рагми Мустафы, рассчитывают принять косвенное участие в переговорах о будущем статусе Косово, в частности по проблеме децентрализации власти. Участники совместного заседания в Прешеве рассчитывали сформировать в ближайшее время национальный совет албанцев, который непосредственно займется реализацией положений платформы, для чего имелось в виду использовать различные политические средства вплоть до гражданского неповиновения. Однако возникшие разногласия пока не позволили создать такой совет.

Январь 2006 года

Косово и Черногория: сообщество с Сербией или независимость?

СОЗДАННОЕ В 2003 ГОДУ государственное сообщество Сербии и Черногории как политический компромисс между силами, тяготеющими к независимому существованию Черногории, и силами, стремящимися к совместному развитию народов Сербии и Черногории, с самого начала испытывало значительные трудности – усилиям по укреплению сообщества противостояла активность по обеспечению самостоятельности его субъектов. В феврале 2005 года руководство Черногории даже выступило с предложением трансформировать сообщество в союз двух независимых государств – Сербии и Черногории, однако это предложение Сербией не было принято. И вот теперь, в преддверии третьей годовщины создания сообщества, когда в соответствии с его конституционной хартией может быть проведен референдум по вопросу о государственном статусе Черногории, перспективы существования сообщества вновь оказались в центре внимания не только в этих странах, но и в мире.

Правящая коалиция Черногории, оценивая негативно деятельность сообщества за истекший период, считает своей важнейшей задачей проведение референдума весной 2006 года, тогда как оппозиционные партии и большинство сербской общественности республики полагают, что в этом нет необходимости и, больше того, это может нарушить стабильность в республике и в регионе, нанести ущерб начавшемуся процессу вступления сообщества в Европейский союз (в ЕС неоднократно подчеркивалось, что сообщество – это лучшая форма присоединения Сербии и Черногории к ЕС). Следует отметить, что все попытки Европейского союза, и в частности высокого представителя ЕС по вопросам внешней политики и безопасности Хавьера Соланы, стоявшего у истоков создания сообщества, как-то изменить позицию черногорского руководства оказались безрезультатными. Президент Черногории Филипп Вуянович уже назначил на 7 февраля 2006 года внеочередное заседание скупщины, которой предложено определить дату проведения референдума. Возможно, он пройдет уже в апреле 2006 года. Высшие судебные органы Черногории подтвердили обоснованность позиции черногорских руководителей, считающих, что черногорцы, постоянно проживающие в Сербии, не имеют права участвовать в референдуме – а это более 260 тыс. человек при общей численности зарегистрированных избирателей в Черногории в 2003 году 458 тыс. человек.

И тем не менее очевидно стремление некоторых кругов в ЕС выиграть время для внесения ясности в предстоящие переговоры о будущем статусе сербского края Косово и в перспективы согласования необходимых условий членства сообщества Сербии и Черногории в Европейском союзе. Именно на это, в частности, направлено выдвигаемое ЕС требование о соблюдении международных стандартов при проведении референдума.

20 декабря 2005 года Совет министров иностранных дел Европейского союза поддержал рекомендации Венецианской комиссии независимых экспертов, консультативного органа Совета Европы, которые касаются основных критериев референдума о государственном статусе Черногории. По мнению комиссии, черногорский закон о референдуме не нарушает международные стандарты, установив, например, что для признания референдума состоявшимся необходимо участие в нем более 50% зарегистрированных избирателей. Вместе с тем было рекомендовано провести переговоры между властью и оппозицией для достижения консенсуса о правилах проведения референдума и реализации его результатов, прежде всего о том, какой необходим процент голосовавших для признания решения референдума принятым. В документе комиссии отмечается, что в соответствии с международной практикой решение референдума по таким вопросам считается принятым, если за него проголосовало более 50% зарегистрированных избирателей. Согласно же черногорскому закону о референдуме для этого необходимо лишь простое большинство голосовавших при условии участия в голосовании не

менее 50% избирателей, то есть для принятия решения достаточно и 25% плюс один голос зарегистрированных избирателей. **Согласившись с тем, что граждане Черногории, проживающие в Сербии, не имеют права участвовать в референдуме**, комиссия высказалась за то, чтобы проживающие в Черногории сербы могли принять в нем участие. Особо было подчеркнута необходимость обеспечения демократического характера референдума, что, в частности, предполагает ограничение использования административного ресурса власти.

Черногорская оппозиция, считая, что в Черногории нет условий для проведения демократического и честного референдума, согласилась, однако (кроме Сербской народной партии), перейти от бойкота к переговорам с правящей коалицией об основных условиях проведения референдума, но только при условии, что в них будет участвовать Европейский союз. И хотя в правящей коалиции считают возможным согласовать открытые вопросы с оппозицией в рамках обычной парламентской процедуры и поэтому как бы нет необходимости в посредничестве ЕС, Хавьер Солана, понимая, видимо, всю сложность достижения договоренностей, все же выступил вновь в качестве посредника через своего представителя – бывшего посла Словакии в сообществе Сербии и Черногории Мирослава Лайчака.

Накануне переговоров высказываются различные толкования рекомендаций Венецианской комиссии: черногорское руководство выражает удовлетворение тем, что она одобрила закон о референдуме, оставив для согласования с оппозицией лишь правила его проведения, а оппозиция считает, что условием проведения референдума является согласование вопроса о необходимом большинстве для принятия решения, подчеркивая также, что решение референдума об изменении государственного статуса республики должно быть одобрено квалифицированным большинством депутатов скупщины Черногории. Практически речь идет о том, что если на последних парламентских выборах в Черногории в 2002 году за партии, выступающие за независимость Черногории, голосовало около 200 тыс. человек, то теперь, как следует из рекомендаций Венецианской комиссии, для принятия решения о независимости необходимо получить 229 тыс. голосов, что весьма проблематично, тогда как по черногорскому закону о референдуме для этого было бы достаточно всего 115 тысяч. Кстати, изучение общественного мнения, проведенное в середине ноября 2005 года, показало, что в референдуме готовы принять участие 73% опрошенных лиц, из которых 39% будут голосовать за независимость Черногории, а 34% – против.

Как видно, в силу существенного различия их позиций переговоры между руководством и оппозицией Черногории будут весьма сложными. Решение президента Черногории провести 7 февраля 2006 года заседание скупщины оппозиция восприняла как «односторонний шаг», от чего предостерегала Венецианская комиссия. В этой связи обращает на себя внимание уверенность представителей власти, которые, по словам заместителя председателя скупщины Черногории Д. Куйовича, исходят из того, что «если не договоримся, тогда будет достаточно нашего закона о референдуме, так как он содержит самые высокие европейские стандарты».

Январь 2006 года

Молдавия и Румыния

Станет ли Румыния федерацией: венгры требуют автономии

НА РУБЕЖЕ ВТОРОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ на авансцену венгерской политики выдвинулась проблема автономии трансильванских венгров в Румынии. Вот уже более 10 лет в стране оживленно обсуждается идея восстановления венгерской автономии в юго-восточной части Трансильвании на территории уездов Харгита, Ковасна и части уезда Муреш (население 808,7 тыс. человек), где компактно проживает венгерское нацменьшинство. Венгерская автономная область была создана в Румынии в 1954 году, однако в 1968-м тогдашний румынский лидер Николае Чаушеску ликвидировал ее.

Новый всплеск интереса к этой проблеме пришелся на 2003 год, когда реформатский епископ Л. Текеш, исключенный из умеренного Демократического союза венгров Румынии за радикализм, вместе с единомышленниками предложил конкретную программу достижения территориальной, административной, хозяйственной и культурной автономии так называемого Секуйского края (секуйями румыны называют проживающих в этой части страны венгров). К концу 2003 года были созданы национальный, а также местные и региональные секуйские и другие советы трансильванских венгров, объединившиеся в январе 2004 года в Гражданский союз венгров Румынии.

Летом 2004 и весной 2005 года группа депутатов парламента от Демократического союза венгров Румынии (выступавших, правда, в личном качестве и представлявших скорее программу радикального Гражданского союза) выступила с законодательной инициативой об автономии Секуйского края. Этот законопроект, квалифицированный руководством Демократического союза как «нереалистичный и несвоевременный», был отвергнут парламентом. Документ предусматривает автономию Секуйского края и статус самостоятельного юридического субъекта в составе Румынии. Регион должен иметь своего президента, избираемого населением края, правительство и государственную символику. Правительству делегируется полная финансовая автономия, в том числе в части сбора государственных налогов, право создавать собственные параллельные общегосударственным структуры, в том числе в области образования и в правоохранительной сфере, а также подписывать международные документы на региональном уровне. Венгерский язык по статусу приравнивается к румынскому, причем все госслужащие обязаны в равной степени владеть обоими языками. Упразднение же автономии возможно лишь на основании общекраевого референдума (в

настоящий момент **78% населения региона считает обретение автономии более важным, чем интеграция Румынии в Европейский союз).**

Румынские политики единодушно критикуют этот законопроект как архаичный, националистический и сепаратистский. По их оценке, часть местной венгерской элиты, используя благоприятную международную конъюнктуру и переживаемый Румынией переходный период, решила исправить «историческую несправедливость» Трианона (предмесье Парижа, где в 1920 году был подписан мирный договор с Венгрией, по которому Трансильвания отошла к Румынии) и предоставить венгеро-населенным областям страны специальный статус. В этих условиях, полагают румыны, самоуправление, задуманное как нечто большее, чем местная автономия, с претензиями на неотъемлемые атрибуты государственности, ведет к превращению одной этнической группы в «государство в государстве». По мнению румынских аналитиков, сепаратизм венгерского меньшинства может привести к серьезным последствиям и опасному прецеденту, «угрожающему Европе хаосом и межэтническими конфликтами».

Официальный Бухарест, вынужденный заигрывать с Демократическим союзом венгров Румынии (эта партия входит в правящую коалицию) в интересах сохранения внутривластной стабильности, каких-либо санкций против возникающих в Трансильвании секуйских советов не предпринимает. В правительственных кругах отмечают, что проводимая нынешним румынским руководством линия на децентрализацию власти предоставит венгерскому меньшинству (и не только ему) все те возможности в экономическом, культурном и образовательном плане, которые оно ожидает от автономии. Румынские политические партии (независимо от того, находятся они у власти или в оппозиции) видят в действиях венгерских радикалов нарушение конституции страны, угрозу единству и территориальной целостности Румынии, прямое покушение на ее суверенитет.

Официальный Будапешт в интересах сохранения единства венгерского нацменьшинства в Румынии стремится лавировать между умеренными и радикалами. Находящиеся сейчас у власти в Будапеште социалисты делают ставку на Демократический союз и избегают открыто высказываться на тему венгерской автономии в Румынии. Основной акцент они делают на соблюдении прав венгерского нацменьшинства, развитии румыно-венгерского межгосударственного сотрудничества, оказании помощи Бухаресту при вступлении в ЕС, которое, как они полагают, поможет снять многие спорные вопросы. Оппозиционная же партия ФИДЕС-ВГС во главе с бывшим премьер-министром Виктором Орбаном активно поддерживает радикалов, призывает трансильванских венгров энергичнее добиваться национальной автономии и выступает за увязку приема Румынии в ЕС с предоставлением автономии венграм. Примечательно, что стремление венгров к автономии разделяют (правда, в несколько иной форме) отдельные румынские общественные организации в Трансильвании и Банате – более развитых по сравнению с другими областями регионов страны. Они надеются, что регионализация Румынии, обособление от центра приведет к динамизации экономического развития, ссылаясь при этом на практику функционирования еврорегионов в ЕС.

Румынские политики предпочитают сейчас не драматизировать ситуацию вокруг автономистских устремлений трансильванских венгров, однако в то же время признают, что было бы ошибочно и недооценивать существующие опасности. Основные надежды Бухарест связывает с естественным «рассасыванием» проблемы по мере интеграции Румынии в Евросоюз.

Валерий Турсунов. Идет скрытое поглощение Молдавии Румынией

ВНИМАНИЕ ЭКСПЕРТОВ привлек недавний неожиданный публичный конфликт президента Молдавии Владимира Воронина с президентом Румынии Траяном Бэеску – главой государства, которое молдавские власти считают своим ближайшим союзником. Неожиданным этот конфликт стал потому, что Бэеску всего лишь вновь повторил традиционную для Румынии мысль, что оба государства являются румынскими, а Воронин неожиданно резко его опроверг, утверждая, что в Молдавии большинство считает себя молдаванами.

Действительно, «имперские» амбиции Румынии в отношении Молдавии, равно как и в отношении Северной Буковины и Трансильвании, – не новость. Не новость это в первую очередь для самой Молдавии. С первого дня появления на политической карте мира независимой Молдавии (август 1991 года) Румыния провозгласила курс на «исключительность и привилегированность» отношений «двух румынских государств», принялась наращивать усилия по формированию единого экономического и духовного пространства.

За этим стоит фактически не скрываемое румынами отрицание существования молдавской нации и самостоятельного молдавского языка, убежденность Бухареста в нежизнеспособности независимого

молдавского государства, «оторванного» от мифической Великой Румынии имперской Россией (в 1812 году) и Советским Союзом (в 1940-м).

Для этого был налажен политический диалог с Кишиневом на всех уровнях. Для координации внешней и внутренней политики, экономической деятельности созданы межведомственные комитеты и межпарламентская комиссия. В Бухаресте учрежден правительственный фонд для развития и углубления двусторонних торгово-экономических и гуманитарных связей.

С прицелом на будущее объединение Бухарест постепенно переходил от политики «малых шагов» к более масштабным действиям. Для поддержки молдавских СМИ, учреждений культуры и образования выделялись и выделяются значительные финансовые и материальные средства. Предоставляются места для обучения в высших учебных заведениях Румынии гражданам Молдавии. Созданы максимально благоприятные условия для получения жителями Молдавии румынского гражданства (по оценкам экспертов, с начала 1990-х годов румынские паспорта получили от 300 до 500 тыс. молдаван). Одним словом, идет скрытый «аншлюс», скрытое (и не очень!) поглощение Молдавии и ее граждан Румынией.

Лишь временно, в конце 1990-х, Румыния была вынуждена несколько умерить свой интегристский пыл по отношению к Молдавии. Это было связано с началом предметных переговоров о вступлении Бухареста в НАТО и ЕС, на которых ставилось условие договорно-правового урегулирования отношений с соседними государствами. В апреле 2000 года был даже парафирован базовый политический договор между двумя странами, предусматривавший, в частности, делимитацию и установление государственной румыно-молдавской границы. Однако от подписания этого документа румыны уклонились, воспользовавшись приходом к власти в Кишиневе компартии во главе с Ворониным и толерантным отношением Запада. Кроме всего прочего, в разгар переговоров об интеграции с Западом румынам самим было крайне невыгодно муссировать тему объединения с Молдавией на фоне тупика в приднестровском урегулировании. Но правящая команда во главе с Бэсеску, пришедшая к власти в ноябре – декабре 2004 года, обозначила отношения с Кишиневом в качестве одного из важнейших приоритетов своей внешней политики. Владимир Воронин этому не противился и не протестовал. И теперь Бухарест намерен вновь по-особенному влиять на все, что происходит в Молдавии.

Для воплощения этих задумок провозглашено «двустороннее партнерство на пути в Европу». Имеется в виду, что Румыния при поддержке ЕС, пользуясь тем, что Кишинев тоже объявил о своей евроинтеграции, возьмет на себя функцию лоббиста и адвоката Молдавии на пути в европейское пространство и тем самым получит возможность еще больше упрочить свое влияние и позиции в соседней стране.

Это не означает, что Румыния снимает с повестки дня вопрос об объединении с Молдавией (правильнее даже сказать, о поглощении Молдавии). Румын воодушевляет пример ФРГ, сумевшей реализовать, казалось, несбыточные надежды на объединение страны и в один момент поглотившей ГДР.

Одним словом, протест Владимира Воронина вызывает глубокие сомнения в его искренности. Просить Румынию о братской помощи в газовом транзите, энергетике, дипломатии, отдать ей своих граждан – и грубо одергивать ее именно за «братские чувства»... Это не только разрыв с мощным прорумынским лобби в самой Молдавии, благодаря союзу с которым Воронин, собственно, и пришел снова к власти, это просто грубая государственная неадекватность...

Ноябрь 2005 года

Николай Бабилунга.

Если бы у нас перед глазами не было горького примера Гагаузии...

ПАРЛАМЕНТ МОЛДАВИИ принял закон «Об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов Левобережья Днестра», на основании которого Приднестровью даруется статус автономии с особым языковым режимом. Предлагается ввести три официальных языка: молдавский, русский и украинский, причем молдавский должен функционировать на основе латинской графики. О перспективах принятия народом Приднестровья (и особенно живущими здесь этническими молдаванами) такого закона корреспондент ИА REGNUM беседовал с известным историком, профессором Приднестровского государственного университета, заведующим научной лабораторией истории Приднестровья, кандидатом исторических наук Николаем Вадимовичем Бабилунгой.

– Николай Вадимович, в Молдавии уже на протяжении почти 20 лет навязывается мнение, что молдавский язык во времена Российской империи и в сталинские времена подвергся

искусственной славянизации...

– Это абсолютная чушь. Молдавская письменность на основе славянской графики появилась не потому, что так захотел Иосиф Сталин. Напротив – при Сталине молдавская письменность была как раз переведена на латиницу.

– Почему это было сделано?

– Скорее всего речь идет о стремлении большевиков к мировой революции. Мы можем вспомнить, что и Анатолий Луначарский хотел перевести русский язык на латинскую графику. Кириллица, которой исторически пользуется молдавский язык, – не следствие злой воли Николая II, Иосифа Сталина или Леонида Брежнева. Молдаване, а точнее даже их предки, волохи, приняли кириллицу вместе с принятием христианства в зоне влияния Византийской империи. Волохи переняли православное богослужение от южных славян, что повлекло за собой и восприятие славянской письменности. Молдаване пользовались славянской графикой вплоть до 1852 года. Более того, церковно-славянский язык просуществовал в Молдавии в качестве государственного вплоть до Дмитрия Кантемира. Первая книга на молдавском языке появилась в 1647 году. Таким образом, вся история молдаван как самобытного народа связана с православием и славянской письменностью. В Венском музее хранится знамя Стефана Великого, отправленное им туда после победы над турками. На знамени изображен святой Георгий Победоносец и сделана надпись на церковно-славянском языке. Если бы кто-нибудь предложил этому великому молдавскому господарю написать на том знамени хоть одно слово латинскими буквами – этот человек лишился бы головы. Любая попытка латинизации воспринималась в Молдавии как католическая ересь.

– Стефан Великий был ревностным православным?

– Еще каким! Он строил в Молдавии монастыри и храмы, при нем православие распространялось в стране интенсивнейшими темпами, переписывались Евангелия, жития святых, труды византийских богословов, поэтому, несмотря на всю его жестокость, на всю пролитую им кровь, Стефан Великий был причислен к лику святых. Все документы на молдавском языке – Анонимная летопись, Путнянская летопись, «Анналы двора Стефана Великого», летописи Макария, Евфимия и Азария (XIV–XVI века) – были написаны славянской графикой. В XVII–XVIII веках здесь усиливается влияние греков-фанариотов, и наряду с церковно-славянским распространяется греческий язык. Но латинской письменности молдавский язык (как, впрочем, и валашский) не знал вплоть до середины XIX века.

– Какова этимология терминов «румыны», «румынский»?

– Вообще-то румынами на территории средневековой Молдавии называли не «потомков римлян», а ромэнов, то есть цыган. В отличие от свободных молдавских крестьян, цыгане в Молдавии были крепостными – самыми бесправными и униженными. Обратите внимание, как меняется смысл слова при замене шляпки над буквой «а»: на румынском слово ȧmъn читается как «ромэн», а слово ȧmаn – как «румын». «Все дело в шляпе», но в очень важной шляпе.

Так вот, в середине XIX века представители молдавско-валашского «образованного класса», начитавшись французских революционно-просветительских книг, решили: «Да здесь же была римская провинция – Дакия! Мы – потомки образованных римлян!». В поисках родства с французами и итальянцами они стали требовать перевода своей графики на латинскую. Впервые название Румыния появляется в 1859 году с образованием единого государства во главе с господарем Александром Кузой. В 1862 году министр внутренних дел Румынии Гика своим распоряжением запретил совершать церковные службы на славянском языке. Все церковнославянские книги изымались, уничтожались монастырские типографии с кириллическим оборудованием, было запрещено даже совершать службы в честь русских святых и вообще помянуть их. В первую очередь это коснулось древнейшего Нямецкого монастыря.

– Это встретило какое-либо сопротивление среди молдавского православного духовенства?

– Конечно! Наш знаменитый Ново-Няецкий монастырь в Кицканах был создан монахами – беглецами из Нямецкого монастыря во главе с архимандритом Андроником и иеромонахом Феофаном, не пожелавшими терпеть бесчинства румынских властей по отношению к православию и его святыням. И это только один из множества известных случаев! И народ, и духовенство всеми силами сопротивлялись лингвистическим нововведениям, поэтому властям приходилось насиловать, насиловать и еще раз насиловать.

– Насколько безболезненно с лингвистической точки зрения проходил процесс латинизации?

– А разве может безболезненно проходить процесс искусственного помещения чего-либо в чужеродные рамки? В первую очередь, латинская графика не передает многих звуков. Звук «ы» в молдавском языке есть, а буквы такой нет. Мягкий знак есть, а буквы нет. То же самое касается букв «т», «ц». Поэтому и пришлось выдумывать различные диакритические знаки над буквами – всякие

шляпки, птички, хвостики и так далее. Вообще румыны за 150 лет провели 70 (!) реформ своего языка. Восточная музыка плохо ложится на семиотную гамму, и Дмитрию Кантемиру приходилось сочинять для этой музыки специальное нотное письмо. То же самое получилось и с языком.

– Следовательно, перевод письменности в Молдавии на латинскую графику в 1990 году не имел ничего общего с национально-духовным подъемом, со стремлением вернуться к корням, возродить свою утраченную исконную письменность и культуру?

– Безусловно. О каком «возвращении к корням» вы говорите? Все события конца 1980-х – начала 1990-х в Молдавии имели под собой четкую политическую подоплеку. Цель как раз была прямо противоположной – ликвидировать в молдавском народе его национальную самоидентификацию. В конце 1980-х годов представители молдавской «интеллигенции» всеми силами внушали, что никакого самобытного молдавского языка и молдавской письменности не существует в природе, что «молдаване – суть румыны». Каждый, кто с этим пытался спорить, причислялся к «манкуртам», «русофонам» и «коммунистам». Покажите мне еще какой-нибудь народ мира, чья интеллигенция отказывает себе в праве на существование!

– То есть стремление молдаван, живущих в Приднестровье, к сохранению кириллической письменности никак не связано с «испорченностью» и «столетиями русификации»?

– Совершенно верно! Просто молдаване в Приднестровье не захотели насиловать свой родной язык. Подавляющее число приднестровских молдаван ни при каких обстоятельствах не согласятся считать свой собственный самобытный язык «испорченным румынским». Исключение составляют лишь пара-тройка отщепенцев типа «террориста-правозащитника» Урыту или правобережного цыгана Илашку, родившегося в селе Таксобены под Флорештами. Мне довелось присутствовать на первом съезде Союза молдаван Приднестровья в 1991 году. Этот съезд проходил еще до развала СССР. Я помню настроение этих людей, выступления, которые звучали на съезде. Все как один не хотели румынизации, насилия над молдавской графикой, хотели жить в единой семье братских народов. И это были не пустые слова. Здесь никто не боялся референдума 17 марта 1991 года о сохранении СССР. В Правобережной Молдавии, как мы помним, этот референдум был запрещен президентом Мирчей Снегуром. Следовательно, ему было чего бояться. И здесь, в Приднестровье, национальное самосознание молдаван сохраняется, их самобытность не уничтожается, в отличие от правого берега.

– В чем же причина агрессивности, с которой представители молдавской «интеллигенции» добивались отказа от собственного языка и традиционной графики?

– Люди просто профессионально отрабатывали вложенные деньги. Проблема ведь не в языке. Вся затея с переводом письменности, как и в 1862 году, как и в 1989-м, имеет отчетливую геополитическую направленность. Все это делалось с целью переориентировать Молдавию (как когда-то Румынию) с Востока на Запад, создать новый санитарный кордон вокруг России, окружить ее железным кольцом и раздробить на целый ряд мелких «княжеств». Язык – это матрица, с помощью которой в сознание нации закладывается «культурный код», передающийся через поколения.

– Как сегодня молдавская школа в Правобережной Молдавии изменяет сознание людей, тот самый «культурный код» нации?

– Простой пример: возьмем смешанную семью, где отец – молдаванин, мать – русская. Их сын идет в обычную кишиневскую школу. Возвращается он из нее убежденным, что его мать – «оккупантка», а отец – человек «с искаженным Сталиным сознанием», словом, что родители его – «ущербные люди». И эти выпускники школ лет через 20–30 будут определять судьбу Молдавии, ее политику.

– Но ведь перевод письменности на латиницу был поддержан основной массой молдаван, не так ли?

– В том-то и дело, что нет! Народ просто никто не стал спрашивать, как и во время референдума 17 марта! Когда в 1968 году 99 рабочих завода «Авто-Прага» обратились с письмом к Леониду Брежневу с просьбой ввести в Чехословакию советские войска, весь мир возмущался, как эти 99 человек могут решать судьбу целого народа. Но никого не смущает тот факт, что судьбу молдавского народа решили 66 литераторов, написавших «коллективку» в 1988 году. Никто не проводил никакого референдума среди молдаван. Не обязательно ведь было опрашивать всех. Но хотя бы все те, у кого в паспорте стояла запись «молдаванин», должны были дать свой вердикт переводу письменности. В 1989 году приднестровские забастовщики отнеслись к проблеме максимально деликатно. Они не ставили вопроса о графике. Они не говорили свое решительное «нет!» статусу молдавского языка. Они только требовали поставить на референдум утверждение одного или двух языков в качестве государственных. Это требование Кишиневом было проигнорировано. В результате в Приднестровье, вне зависимости от желания Кишинева, был проведен референдум, где народ высказался за три государственных языка: молдавский (на основе кириллической графики), русский и украинский.

– Но разве не то же самое предлагает сегодня Приднестровью парламент Молдавии?

– Во-первых, о кириллической графике речь, насколько я понимаю, не шла. А во-вторых – слишком поздно! Если бы эти предложения прозвучали лет 15–16 назад, тогда, возможно, история пошла бы по иному пути, Приднестровье не отделилось бы от Молдавии. Но сегодня, после войны, после резни в Дубоссарах и Бендерах, после этого озера пролитой крови, после блокады – экономической, информационной, телефонной, – говорить об этом просто смешно. Кроме того, господин Воронин нам ничего нового не предлагает – три официальных языка для Приднестровья предусмотрены еще меморандумом 1997 года, под которым стоит подпись президента Молдавии Петра Лучинского. И ни слова о латинской графике там нет.

– Можно ли всерьез обсуждать проект предоставления Приднестровью автономии в составе Молдавии с существованием собственного представительного органа власти?

– Чем будет заниматься новый «Верховный совет»? Ремонтом канализации? Еще можно было бы клонуть на эту удочку, если бы у нас перед глазами не было горького примера Гагаузии. Всего, что им обещали, – не дали и даже то, что дали, очень быстро отобрали. Мы неоднократно предлагали Молдавии создание единой федерации, в которую на правах субъектов вошли бы Правобережная Молдавия, Приднестровье и Гагаузия. Президент мог бы каждый год меняться. Если в Швейцарии президентом становится германоязычный протестант – это для франкоязычных католиков не имеет никакого значения: они защищены законодательством. Молдавия этого варианта не хочет.

– С чем связан тот факт, что многие родители сегодня предпочитают отправлять своих детей учиться в Молдавию?

– Это происходит не в связи с эффективной политикой румынистов. Просто люди пытаются приноровиться к меняющимся обстоятельствам. В Румынии, в отличие от России, обучение для выходцев из Приднестровья бесплатное, там даже будут платить стипендию. А если делать ставку на получение образования в Румынии – значит, надо учиться в школе на латинице. Ребенок будет учиться в Кишиневе или Бухаресте, следовательно, история России ему не нужна. Появляются желающие открыть здесь румынские школы. Но ведь государство и не запрещает это делать! Хотя официальный язык здесь – молдавский на основе кириллической графики, школу здесь можно открывать хоть румынскую, хоть китайскую. Главное требование – учиться по принятой здесь образовательной программе, чтобы объем знаний был не меньше и не хуже, чем у других приднестровских детей. Если программы обучения не будут соответствовать стандартам – это и будет ущемлением прав детей. Здесь на протяжении трех лет работала российско-молдавская комиссия по нострификации дипломов. И выяснилось, что украинские и молдавские стандарты высшего и среднего образования недотягивают до российских! Диплом о высшем образовании, полученный на Украине или в Молдавии, в России соответствует диплому о незаконченном высшем образовании. Это значит, что выпускник кишиневского вуза не может, к примеру, работать учителем в российской школе, а только ассистентом. Чтобы получить российский сертификат диплома о высшем образовании, он должен еще проучиться в российском вузе. Если в России проходят 300 часов математики, то в Молдавии – 100 часов, и так далее. Более того, есть предметы, которые Молдавия вообще не признает. Выпускник молдавской школы не может поступить в российский вуз. В то же время в Приднестровье принят российский стандарт образования, и дипломы, получаемые здесь, в России признаются.

– В декабре 2005 года состоятся выборы в Верховный совет Приднестровской молдавской республики. Глава миссии ОБСЕ Уильям Хилл заявил, что, если выборы не будут проводиться под эгидой этой организации, они никогда и никем не будут признаны. В то же время в Приднестровье существуют определенные силы, находящиеся в оппозиции к власти и стремящиеся в Молдавию. Каков потенциал «бархатной революции» в Приднестровье, на которую в Кишиневе возлагают столько надежд?

– Я был в составе группы под руководством американца, проводившей на средства Фонда Гугенхайма исследование приднестровского общества. Мы обнаружили, что твердых приверженцев Молдавии у нас порядка 6%, еще где-то 11–12% колеблются. Таким образом, суммарная численность потенциальной «пятой колонны» у нас не более 20%. Конечно, и их нельзя сбрасывать со счетов. Мы видели, какие проблемы способны создать 20% католиков в Белоруссии или 10% униатов на Украине. Если из ста солдат, находящихся на передовой, шесть являются откровенными врагами и еще 12 выжидают, на чьей стороне будет победа, – это неприятная реальность. Но если выборы состоятся сейчас, эти 20% не смогут навязать свою волю остальным 80%. Конечно, есть еще несколько сел на левом берегу, находящихся под юрисдикцией Молдавии, жители которых просто запуганы. Однако почти все взрослое население этих сел находится на заработках в России, а голосовать на выборах будет старшее поколение, которое вряд ли послужит подходящим материалом для революции. Что касается приднестровской элиты – они все вынуждены считаться с настроением 80% населения республики и понимают, что в случае предательства никто из них не усидит на своем месте.

– А не может ли возникнуть тенденции к уменьшению этой цифры в 80% вследствие

усталости населения республики от ощущения постоянной неопределенности, сплошных блокад, постоянной угрозы войны?

– Все дело в том, что «определенность» у Приднестровья гораздо тверже, чем у Молдавии! Мы как государство состоялись гораздо в большей степени, чем Молдавия. Да, и у нас есть богатые и бедные, есть продажные чиновники, есть коррупция, есть милицкий беспредел. Но в Молдавии все это имеется в тысячекратно большей степени! Зато у нас никто и никогда не делил жителей республики по «сортам», а в Молдавии это делали постоянно, притом не какие-то там оголтелые демонстранты, а президент Молдавии Мирча Снегур, премьер-министр Молдавии Друк – в своих официальных выступлениях! Все русские военнослужащие, ветераны войны были названы «оккупантами», молдаване, которые не хотели думать, как румынизаторы, объявлены «манкуртами», левобережные молдаване – «чобанистами» (по имени молдавского ученого и писателя И.Д. Чобану, яркого противника румынизации). Официально употреблялся термин «примитивный молдовенизм». Украинцы, белорусы, представители других национальностей, специалисты, поднимавшие экономику республики, – «мигранты» (я хорошо помню этот лозунг: «Молдова вам – не сточная канава»). Гагаузы – «вообще не народ», «толпа кочевых пришельцев», «варвары», «дикари»... И только себя любимых эта фашиствующая «интеллигенция» именovala «истинными, природными хозяевами этой земли». Понятно, что ни «оккупанты», ни «мигранты», ни «манкурты», ни «варвары» не могут считать такую страну своей. Причем в отличие от Прибалтики здесь расколота сама так называемая титульная нация. Эта группа писателей, поэтов, журналистов, именующая себя «солью земли», вообще отказывает Молдавии в праве на свое государство. Они считают Молдавию частью Румынии, говорят о «двух румынских государствах». В отличие от них в Приднестровье представители всех живущих здесь народов знают, что это – наше государство, пусть непризнанное и несовершенно. Если бы они не хотели здесь своего государства – разве они могли бы выиграть войну? Разве их кто-то сгонял в народное ополчение?

В случае аншлюса Молдавией мы потеряем нашу стабильность – как политическую, так и экономическую. Все наши недостатки возрастут в кубе. Сегодня промышленность Молдавии полностью разрушена. Политики Молдавии совершенно напрасно обвиняют приднестровцев, что они «захватили молдавскую промышленность». Кишинев был городом оборонных гигантов – «Виброприбор», «Молдавгидромаш», «Счетмаш», «Мезон», «Эталон», «Сигнал»... Сегодня этого всего нет. В цехах завода «Мезон», где производились комплектующие для подводных лодок, сейчас магазины, лавки, «бутики». А в результате выполнения требований Евросоюза в Молдавии резко вырастут цены, будет окончательно похоронено сельское хозяйство, последние остатки производства. Присоединение к Молдавии приведет к резкому ухудшению уровня жизни, и здесь все это прекрасно понимают. Поэтому «оранжевой революции» в Приднестровье не будет.

Сентябрь 2005 года

Григорий Маракуца.

Кишинев сам подталкивает нас к тому, чтобы мы последовали примеру Косово

РЕШЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА КОСОВО об отделении края от Сербии и Черногории прокомментировал председатель Верховного совета Приднестровской молдавской республики Григорий Маракуца:

«Это решение парламента Косово не было внезапным, оно ожидалось, так как фактически было подготовлено соглашениями, заключенными в Рамбуйе, согласно которым Косово не могло войти в Албанию, но при этом о том, что Косово не может выйти из состава Сербии и Черногории, речи не шло.

Как дальше будут развиваться события – время покажет, но думаю, что Сербии и Черногории придется смириться и признать независимость Косово, их просто уговорят – поставят признание независимости Косово условием их вступления в Евросоюз. Более того, полагаю, что на этом история не закончится, ситуация в Косово послужит примером для Черногории, которая также объявит о своей независимости от Сербии. Кем-то когда-то поставленная задача развалить Югославию будет, к сожалению, таким образом реализована.

Что касается возможности повторения косовского сценария в Приднестровье, то предложения от различных партий и общественных организаций Приднестровской молдавской республики о прекращении бесплодных переговоров с Молдавией и о фактическом провозглашении независимости нашей республики, как это записано в нашей конституции, поступают уже давно. До сих пор этого не было сделано потому, что мы следовали подписанному нами меморандуму 1997 года, согласно

которому обязались искать пути строительства общего с Молдавией государства в рамках ее границ на 1990 год. Но, увы, Молдавия сделала все для того, чтобы сорвать переговорный процесс, и сейчас фактически бойкотирует его. Кишинев сам подталкивает нас к тому, чтобы мы последовали примеру Косово.

Я не стану скрывать от вас, что в настоящее время не только в Верховном совете, но и от президента республики Игоря Смирнова исходят инициативы по изменению концепции «Об образовании Молдавской конфедерации», принятой нами 6 января 1993 года, в сторону построения полностью независимой Приднестровской республики. Более того, сообщу вам, что решение об этом может быть принято на заседании Верховного совета Приднестровской молдавской республики до 30 ноября 2005 года, то есть еще нынешним составом Верховного совета.

Я не исключаю, что наше решение приведет к эскалации конфликта с Молдавией, и она попытается разрешить ситуацию силовым путем, но мы рассчитываем на поддержку России (не случайно наш народ проголосовал за сохранение в республике российского миротворческого контингента) и Украины, которая также, являясь страной-гарантом в процессе урегулирования молдавско-приднестровского вопроса, не заинтересована в том, чтобы у ее границ возник какой-то очаг напряженности».

Ноябрь 2005 года

Опрос: половина приднестровцев уверена в суверенном будущем Приднестровья

Июнь 2005 года

84,7% приднестровцев считают Россию «главной опорой и союзником Приднестровья», 10,1% – Украину, 2,7% – Молдавию. При этом 45,5% приднестровцев считают, что Приднестровская молдавская республика имеет будущее в качестве самостоятельного государства, 46,7% считают ее неотъемлемой частью России, а 5,5% – неотъемлемой частью Молдавии.

60,2% граждан Приднестровья хотят принять российское гражданство, 27,3% – украинское, 9,9% – молдавское (по опросу, уже сейчас 20,2% граждан Приднестровья имеют также гражданство России, 20,2% – Украины, 19,2% – Молдавии). Таковы данные репрезентативного опроса 1600 респондентов, проведенного Российско-Приднестровским аналитическим центром в Приднестровье.

Сентябрь 2005 года

Отвечая на вопрос о наиболее предпочтительных планах урегулирования молдово-приднестровского конфликта, 74,4% приднестровцев назвали наиболее конструктивным план России (так называемый меморандум Козака), 9,6% – план Молдавии (закон об автономии Приднестровья), 8,9% – план Украины («план Ющенко»).

Главной опорой и союзником Приднестровской молдавской республики 87,95% назвали Россию (в июне 2005 года – 84,7%), 59,6% хотели бы получить – в дополнение к приднестровскому – российское гражданство, 26,4% – гражданство Украины, 8,6% – гражданство Молдавии. 84% поддерживают военное присутствие и миротворческую операцию России в Приднестровье, 75,5% – против ввода миротворческого контингента НАТО. 57,44% респондентов выразили уверенность, что Приднестровская молдавская республика имеет будущее как законное и суверенное государство. При этом 80,5% опрошенных полагают, что большинство проблем, с которыми сталкивается приднестровское общество, полностью или частично связано с международной непризнанностью республики.

Таковы данные репрезентативного опроса 1600 респондентов, проведенного в первой половине сентября 2005 года Российско-Приднестровским аналитическим центром в Приднестровье.

Опрос: 86% украинцев Молдавии готовы бежать от ассимиляции

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ социологическое подразделение Харьковского национального университета (Украина) провело социологический опрос населения севера Молдавии (1600 респондентов по репрезентативной выборке, погрешность – стандартная для такого рода опросов), целью которого было выяснение соблюдения прав этнических украинцев, проживающих в регионе.

Результатом опроса стали следующие данные: 54% опрошенных считают себя этническими

украинцами или украинцами по культуре и мировоззрению, при этом 65% в целом не ощущают со стороны молдавского государства защиты своих этнокультурных прав, и, по мнению 58% опрошенных, их культурной идентичности угрожают молдавское государство, законодательство о национальных меньшинствах и молдавские националистические организации. 53% констатируют, что испытывали проблемы из-за своей украинской национальности, а 81% ощущают различие в уровне зарплаты между украинцами и молдаванами, 65% испытывают затруднения в поиске работы.

76% опрошенных считают недостаточным представительство украинцев в органах власти Молдавии на государственном уровне, 59% – на местном уровне. 89,5% опрошенных полагают, что украинский язык и культура в Молдавии находятся в состоянии, в лучшем случае, застоя или им угрожает гибель. 65% оценивают как недоступное образование на украинском языке на севере Молдавии, 72% не удовлетворены статусом украинского языка в Молдавии, 69% требуют срочных мер, направленных на спасение этнокультурной идентификации местных украинцев. При этом 76% надеются, что реальную и действенную поддержку украинской общине смогут оказать власти и общественные организации Украины, 77% считают, что Украине следует более внимательно отнестись к судьбе этнических украинцев в Молдавии, 59% готовы участвовать в работе украинских национальных общин в Молдавии. 31% полагают необходимым создание украинской автономии в составе Молдавии.

Но тем не менее 86% граждан Молдавии украинского происхождения сейчас готовы переехать из Молдавии на постоянное место жительства на Украину, в Россию или Европу, 94% хотели бы получить вместо молдавского гражданства Украины, России, Европейского союза.

Октябрь 2005 года

Украина

Александр Един.

«Украинский геноцид»: польские исторические претензии к Украине

ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ поляков и украинцев (в первую очередь украинцев Западной Украины) изобилует взаимными претензиями. По сути, речь идет о взаимной фобии, которая является важной частью национальной идентичности и поляков, и украинцев.

Исторические события до момента обретения Польшей независимости, являясь более фундаментальными с точки зрения национальной идентичности (украино-польские этнические

конфликты XV–XIX веков), не являются политически актуальными. В принципе эти давние события осмыслены как неотъемлемые эпизоды истории поляков и истории украинцев. Стороны спокойно относятся к противоположным трактовкам этих событий. Кроме давности событий сказывается и общая фобия – русофобия, в рамках которой польско-украинские эксцессы последнее время компромиссно объясняются «москальскими» происками: Россия (и русские) якобы использовали (и разжигали) польско-украинскую рознь для порабощения и поляков и украинцев.

Обратная ситуация складывается с польско-украинскими конфликтами XX века. Предметом взаимного обсуждения эти события стали сравнительно недавно. До Второй мировой войны польско-украинские конфликты являлись внутренними конфликтами Польши, а после войны тема польско-украинских противоречий искусственно сдерживалась и в СССР, и в Польской Народной Республике. В силу своей новизны для масс и особых масштабов взаимных претензий обсуждение польско-украинских конфликтов XX века стало эмоциональным и, с содержательной точки зрения, иррациональным. Новизна темы, масштабность взаимных претензий, эмоциональность и иррационализм позволяют активно использовать обстоятельства прошлого противостояния в политических целях. В этих украинско-польских боях ощущается явное польское преимущество. Причин тому несколько.

Во-первых, бои за историю были важной составной частью идеологии сначала польской оппозиции в период ее противостояния с социалистическим правительством Польской Народной Республики, а затем и самой демократической Польши. Эмоциональность и морализаторство в оценках прошлого, создание этически и психологически благоприятного для поляков восприятия польской истории другими странами стали идеологической базой польской внешней политики. Поляки обладают большим опытом в этой области.

Во-вторых, главная аудитория (и «жюри») этих ристалищ – Запад. Роль Польши там ясна – это несчастная страна, которую делили между собой империи и тираны, а гордый народ которой с оружием в руках всегда стремился отстоять свою независимость; это всегда верный **союзник** (в то время как сама Польша хотела считаться частью) «цивилизованного» Запада в борьбе с «варварским» Востоком; это верный союзник в борьбе демократии против любой тирании. Роль Украины еще не прорисована.

В-третьих, Украине пока не удалось сформировать собственную историко-государственную концепцию, приемлемую одновременно и для себя, и для собственных этнических общин, и для Запада, и для России. Поэтому Украина в своих штудиях на исторические темы отождествляет себя то с УНА-УПА, то с СССР. Более того, являясь в прошлом важной составной частью СССР, Украина не может избежать обвинений за участие в «преступлениях СССР». Такое отсутствие целостности подхода отчасти помогает Украине избегать ответственности за свои действия в прошлом, но мешает убедительно требовать ответственности от других.

В-четвертых, в польско-украинских исторических спорах нынешняя Украина – зависимая страна. Украина, которая, безусловно, еще не часть Европы, добровольно согласилась принять и западный морализаторский подход к истории, и западные морально-этические оценки прошлого. Польша как часть (и, как минимум, состоявшийся союзник) Запада считает себя вправе раздавать моральные оценки и требовать от других их признания. Украина к этому не готова и психологически, и методологически. Поэтому список обсуждаемых польско-украинских претензий фактически предложен поляками, которые выступают иницилирующей стороной.

Наиболее политически актуальными (и актуализируемыми) темами **польско-украинских отношений являются польско-украинская война 1919–1920 годов и польско-украинский этнический конфликт** во время (и до) Второй мировой войны. (Стоит отметить, что обе темы связаны с территориями Украины, которые были отторгнуты СССР у Польши в результате «пакта Риббентропа – Молотова».)

Так называемая польско-украинская война 1919–1920 годов – боевые действия Польши против украинских формирований за контроль над Галицией и Волынь. Тогдашняя победа поляков не только обеспечила до конца 1930-х годов контроль над этими территориями, но и стала (наряду с победой над большевиками в 1920 году) важной составной частью национального польского мифа.

Во Львове на Лычаковском кладбище над могилами поляков в 1920-е годы был сооружен пантеон «Кладбище орлят» (так поляки называли погибших солдат) в виде комплекса памятников и триумфальной арки со львами (символ Львова), польской символикой и надписями в честь «героических сынов польского народа, героически павших за независимость Польши». Кроме памятников полякам в состав Пантеона входили памятники американцам и французам, погибшим в войне с Советской Россией 1920 года. В советское время пантеон был демонтирован. Военное кладбище начали восстанавливать лишь в конце 1980-х.

«Восстановленный» памятник не открыт до сих пор, так как этому противится горсовет Львова.

По мнению националистического горсовета, надписи на памятнике оскорбляют украинцев. В заявлении Львовского горсовета от 16 мая 2002 года говорится: «**Мы категорически против** восстановления построенного в межвоенные годы польского господства во Львове помпезного пантеона, который должен был напоминать сущим и будущим поколениям поляков о **так называемой польскости** Львова. История показала бесполезность этих дел. Мировая история пока что не знала случая, чтобы народ независимой страны на родной земле сооружал подобные пантеоны своим бывшим **поработителям**. Поэтому украинский Львов не станет в этом отношении примером, достойным осуждения и пренебрежения».

Все 1990-е годы велись польско-украинские дискуссии о надписях на памятнике. И хотя поляки пошли на уступки в редакции надгробных надписей, намеченное на май 2002 года открытие памятника президентами Польши и Украины не состоялось. Последовавшая публикация сторонами «открытых писем» (например, с польской стороны его подписал режиссер Анджей Вайда) ни к чему не привела. Скандал по поводу «восстановленного» памятника не урегулирован до сих пор.

В феврале 2005 года МИД Украины заявил о намерении урегулировать вопрос с открытием памятника до конца 2005 года, а согласно последним сообщениям, Виктор Ющенко пообещал решить вопрос **до июня 2005 года**. Судя по всему, предполагается торжественное, с участием Виктора Ющенко и Александра Квасьневского, открытие памятника. Реанимация этой темы может вновь актуализировать польско-украинские противоречия. В случае урегулирования вопроса на польских условиях для Ющенко создается проблема во взаимоотношениях с украинскими националистами и коммунистами (пантеон не только в честь погибших в польско-украинской войне 1919–1920 годов, но и погибших во время польско-большевистской войны 1920 года).

Другой острой темой являются **этнические чистки на Волыни 1943–1944 годов**. Летом 1943 года УПА произвела массовые убийства польского населения на Волыни и в Галиции. Акции были организованными, осуществлялись по единому, заранее разработанному плану. Число жертв со стороны поляков составило не менее 40 тыс. человек (установлены имена 19 тысяч погибших). Ответные акции поляков (главным образом Армии Крайовой) вызвали жертвы со стороны украинского населения.

Запутанность ситуации в Западной Украине и Восточной Польше в годы Второй мировой войны обусловлена тем, что украинские и польские националисты воевали не только с войсками стран Оси и Красной армией, но и друг с другом. При этом украинцы (особенно в первый период войны) воевали на стороне Германии. Более того, роль и участие украинских националистов в карательных акциях против граждан Польши и СССР хорошо документированы. Особенно важно и то, что «реабилитированные подвиги» дивизии СС «Галичина» и формирований УПА-УНА являются базой современной украинской националистической мифологии.

Волынские события, естественно, стали предметом политических дискуссий в Польше и на Украине. Инициатива принадлежала Польше, что объясняется не только ее ролью жертвы, но большим опытом польских структур и польских политиков в использовании истории в своих интересах. Польша к политико-историческим дискуссиям относится очень серьезно, создав соответствующую институциональную инфраструктуру (Институт памяти), позволяющую максимально быстро заполнить медиапространство своими версиями событий. К шестидесятилетию волынской трагедии поляки выпустили целую серию монографий, документально доказывающих как вину украинцев, так и масштабность самой трагедии. Вступив в дискуссию, поляки уже могли опираться на фундаментальную базу этих монографий, основные тезисы которых обильно излагались польскими СМИ. Украинцы ни организационно, ни идеологически, ни научно к дискуссии не были готовы. В результате дискуссия свелась даже не к обсуждению польской версии, а к выбиванию из украинцев необходимой полякам оценки. В 2003-м, в год шестидесятилетия трагедии, украинцы фактически проиграли дискуссию и принесли извинения, которые были изложены в Совместном Акте о примирении, подписанном президентами Леонидом Кучмой и Александром Квасьневским и одобренным парламентами двух стран. На Волыни был поставлен монумент, торжественно открытый обоими президентами.

Примечательно, что извинений за преступления УПА-УНА поляки требовали именно от нынешнего украинского государства. Принесены извинения на самом высоком государственном уровне, вне зависимости от формулировок этих извинений, **Украина признала свою преемственность с УПА-УНА**. Стоит отметить, что Виктор Ющенко, тогда оппозиционный деятель, направил свои извинения полякам уже в начальный период дискуссии. В польских СМИ того времени это трактовалось как свидетельство его прозападной, демократичной ориентации. После юбилея тема украинских преступлений на Волыни перестала быть политически актуальной, и она фактически перестала обсуждаться. После смены власти на Украине волынская трагедия даже стала политически невыгодной. Так, когда в начале 2005 года в Варшаве была открыта выставка о волынской трагедии,

она вызвала возмущение ведущих польских СМИ и влиятельных общественных деятелей, которые рассматривали выставку не иначе как попытку посорить Польшу и Украину. (Какой разительный контраст с публикациями двухлетней давности, в которых провозглашалось о «невозможности забыть»!!!) Тем не менее поляки рассматривают волинскую трагедию как резервное оружие, которое в любой момент может быть активизировано в случае неудовлетворительного (с точки зрения Польши) поведения Украины.

Димитрий Сидор.

Цель политики украинских властей – насильственная ассимиляция русинского народа

Конференция «Карпатская Русь – духовность и культура»

25–27 сентября 2005 года в Ужгороде (Украина) прошла международная научно-практическая конференция **«Карпатская Русь – духовность и культура»**. О результатах работы конференции рассказал корреспонденту **ИА REGNUM** один из ее организаторов, председатель ассоциации **«Сойм подкарпатских русинов»** протоиерей Димитрий Сидор:

«Конференция продемонстрировала готовность русинов Закарпатья к дальнейшей консолидации украинского общества в контексте полиэтнической структуры Украины, а также выразила надежду русинов Закарпатья на официальное признание их самостоятельной национально-культурной общностью и внесение национальности „русины“ в государственный реестр национальностей. Конференция решительно отвергла попытки чиновников и СМИ представить русинское движение как антигосударственное, антиукраинское и сепаратистское. Было осуждено использование антирусинами термина „политическое русинство“ в качестве инструмента подавления законных прав русинов на национальную идентификацию.

Конференция признает научно обоснованную разработанную и принятую 25 сентября 2005 года соймом Прикарпатской Руси декларацию-платформу русинского движения. В ее основу заложена идея сотрудничества органов государственной власти Украины и русинских культурно-национальных объединений в правовом решении признания русинского народа.

Содержание докладов и выступлений, состоявшихся в ходе конференции, устраняет многие «белые пятна» этногенеза, истории, культуры и духовности русинского народа; ряд вопросов получил новую научно обоснованную интерпретацию.

Конференция констатировала существование русинской национально-культурной самобытности. Руси́ны как национальность признаны во всех странах их проживания как коренного народа или как диаспоры. И только в Украине, вопреки ее конституции, национальному законодательству и ратифицированным Верховной радой Украины международным актам о правах человека, национальных и лингвистических меньшинств русинам отказано даже в праве на конституционное выражение своей национальной идентичности.

Были вскрыты методы и приемы фальсификации истории и культурной традиции русинов современной украинской антирусинской политологией и историографией в целях фабрикация ими псевдонаучных аргументов, используемых властными инстанциями Украины в качестве предлога для продолжения антигуманной политики игнорирования русинской этнической и культурной идентичности.

Физический геноцид времен Первой мировой войны (в концлагерях «Талергоф» и «Терезин»), а позже игнорирование национальных прав русинского народа в советский период сегодня уступили место иному национально-культурному этноциду: политике Украины ликвидации русинского самосознания и национально-культурной самобытности русинов. Цель этой политики украинских властей очевидна – завершение насильственной ассимиляции славяно-русского народа, обладающего русинским самосознанием, исторической памятью, этнокультурной и языковой самобытностью.

Участники конференции осудили проводимую в Закарпатской области официальным Киевом (колонизаторскую по своей сути) кадровую политику, назначение на все политически значимые посты своих ставленников. Обладминистрация и дальше проводит курс на отчуждение принадлежащих русинам по международному праву природных богатств. В результате такой социально-экономической политики Киева резко увеличилась безработица среди русинов. В горных районах она приобрела массовый характер и породила массовую эмиграцию, угрожающую существованию русинского народа. Трудоспособные русины вынуждены оставлять свои семьи и отправляться на заработки за пределы родного края.

Участники конференции решили следующее.

1. Объединить научные и духовно-национальные силы карпатских русинов для глубокого и всестороннего исследования вопросов социально-экономического развития Карпатской Руси с целью сохранения, укрепления и развития этнокультурного богатства русинского народа.

2. Информировать украинскую и зарубежную общественность о целях, задачах и проблемах русинского движения, добиваться соблюдения его конституционных прав и демократических свобод.

3. Активнее использовать поддержку международной общественности, зарубежных научных русинских центров и авторитетных международных структур и правозащитных организаций для достижения официального признания русинской национальности.

4. Обратиться в Организацию Объединенных Наций и другие международные организации по поводу инициирования процесса официального признания факта геноцида русинов в период Первой мировой войны (в концлагерях «Талергоф» и «Терезин» в 1914–1918 годах).

5. Руководству «Сойма подкарпатских русинов», Научному центру русинистики возобновить выпуск газеты «Пидкарпатска Русь», журнала «Руснацкий мир» и других периодических русинских изданий.

6. Углубленно изучать и обнародовать научные доказательства, которые свидетельствуют, что Карпатская Русь есть колыбель восточной православной цивилизации, к которой принадлежат Украина, Россия и Белоруссия.

7. Непризнание русинской национальности Украиной свидетельствует о несовершенстве ее национальной политики и демократических процессов.

8. Обратиться к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II, к блаженнейшему Владимиру, к епископу Мукачево-Ужгородскому Агапиту с просьбой о всецерковном прославлении всего собора карпато-русинских святых и великого миссионера и духовного лидера карпато-русинов Алексия Кабалока (1877–1947 годы), который прославлен пока как местночтимый карпато-русинский святой. А также просить святейшего Патриарха Сербского Павла и синод о скорейшей канонизации бачванского (сербского) русина о. Гавриила Костельника.

9. Участники конференции осудили акты насилия над православным сербским народом и требуют освобождения из-под стражи президента Югославии Слободана Милошевича.

10. Материалы конференции опубликовать в прессе и издать их отдельным сборником».

Сентябрь 2005 года

Возможно ли Косово на Украине?

Косовский прецедент с точки зрения возможности его повторения на Украине прокомментировал председатель Ассоциации русинских организаций «Сойм подкарпатских русинов» протоиерей **Димитрий Сидор**:

«Русины Закарпаття 22 октября 2005 года провели в городе Мукачево съезд. На этом съезде русины потребовали от властей Украины признания результатов референдума 1991 года об автономии Закарпаття в составе Украины и прекращения преследования русинов по национальному признаку. В случае отказа украинских властей признать русинов как национальность будет принято решение добиваться осуществления своего права на самоопределение за пределами украинского государства. То есть фактически пойти по косовскому варианту. Если европейские страны уже пошли по этому пути, то мы следующие. Тем более, в отличие от Косово, которое является исторической сербской территорией, Закарпатье было присоединено к Украине.

Областной совет Закарпатской области, депутатом которого я являюсь, дважды признал результаты референдума 1991 года и обращался в Верховную раду Украины по вопросу признания русинов. Поэтому, имея прецедент Косово, в случае если украинские власти так и не примут никакого решения по русинскому вопросу, Областной совет Закарпатской области может принять решение об автономии Закарпаття.

Но хочу подчеркнуть, что пока речь идет о потенциальной возможности, мы все-таки надеемся на благоразумие украинских властей».

Ноябрь 2005 года

Алексей Добычин. Война в Крыму неизбежна

СОБЫТИЯ В КОСОВО с точки зрения возможного их повторения в Крыму прокомментировал лидер Крымского молодежного объединения «Прорыв» **Алексей Добычин**:

«Я уже говорил об этом ранее: сейчас в Крыму косовский сценарий разыгрывается почти один в

один и думаю, что в ближайшее время будет осуществлен. Здесь все уже к этому готово – муфтий Крыма заявил о том, что ему известно, что в Крыму уже существует около 30 ваххабитских групп. У них уже сейчас имеется достаточное количество оружия. Еще три года назад они провели учения по ведению боевых действий в городских условиях. Схроны с оружием находят и по сегодняшний день в крымских горах. У них имеются стрельбища, а через Ай-Петри идут караваны с наркотиками и оружием. Эти боевые террористические группы создаются на базе организационных структур крымского меджлиса и при его поддержке. Пополняет ряды этих организаций в основном молодежь, которая раньше была аполитична, а за последние четыре-пять лет подверглась серьезной идеологической обработке, которая сейчас дает свои плоды. Молодые крымские татары прямо заявляют о том, что это их земля и всех остальных они собираются из Крыма выселить. Представители старшего поколения крымских татар в разговорах признаются, что этих идей не разделяют, но противостоят этому из-за опасений за собственную безопасность не могут.

Однако полагаю, что в отличие от Косово провести решение об отделении Крыма через Верховный совет крымско-татарским сепаратистам не удастся, поэтому сначала будет реализован силовой вариант, а Верховный совет Крыма будет потом использован для легитимизации факта отделения от Украины. После чего Запад введет в Крым миротворческий контингент, а Киеву придется просто смириться с этим. Мировое сообщество в лице Запада объявит крымских татар угнетаемым и притесняемым народом, так же как это произошло с албанцами в Косово, и окажет им всяческую поддержку. С крымскими татарами это даже будет проще сделать, поскольку они действительно являются коренным народом. Крымский фактор может быть использован Западом и как инструмент давления на Киев, когда на Западе почувствуют, что окончательно теряют контроль над Украиной.

Стычки между крымскими татарами и славянами происходят по всему Крыму уже достаточно давно. В последнее время группы молодых славян по 20–50 человек, в том числе и из сельских районов, объединяются под крышей «Прорыва». Они сами приходят к нам. Эти молодежные группировки – «Альфа», «Беркут», «Барс» – заключают с нами договора о сотрудничестве и фактически становятся структурами «Прорыва». С их помощью мы рассчитываем в какой-то степени защитить нетатарское население Крыма. Дело в том, что у крымского меджлиса есть списки людей, которые, по его мнению, могут оказать серьезное сопротивление и которых меджлис планирует устранить физически. Такие списки имеются по каждому населенному пункту Крыма. По этим спискам в случае разворачивания силового варианта событий они смогут вырезать население, особенно степного Крыма, за одну-две ночи.

В целом же нетатарскому населению Крыма остается рассчитывать только на поддержку России. Один из сдерживающих факторов для крымско-татарских сепаратистов – присутствие в Крыму Черноморского флота России. Но это не слишком серьезный аргумент. Я беседовал с командованием Черноморского флота, которое сообщило мне, что в случае обострения ситуации военнослужащие флота смогут защитить только те территории, где расположены базы флота, а выезд в какие-то другие точки Крыма невозможен. Поэтому мы надеемся лишь на активное вмешательство России в ситуацию, потому что война в Крыму неизбежна».

Декабрь 2005 года

Даниил Коптив. Федеративная Республика Украина

КАК ЭТО НИ ПАРАДОКСАЛЬНО звучит, но именно унитарный статус Украины является генератором нестабильности страны и скрытой угрозой ее территориальной целостности. Сильные региональные отличия, неоднородность этнического состава территорий являются постоянным фактором, определяющим мотивацию общественного поведения населения при обсуждении любых общеукраинских вопросов. Результаты практически всех выборных кампаний Украины последних 15 лет убедительно свидетельствуют о том, **что политическая конкуренция происходит не между партиями, идеологиями, а между регионами.** И причина этого в том, что нынешняя правовая система не учитывает, попросту игнорирует региональные и этнические различия, которые, между тем, являются одним из главных факторов политического поведения населения. На протяжении 15 лет мы наблюдали за тем, как любая выборная кампания превращалась в столкновение запада и востока страны.

Унитарный статус Украины не дает населению территорий возможности для реализации представлений об обустройстве своей местной, региональной жизни. Поэтому для защиты своих территориальных особенностей региональные деятели вынуждены претендовать на власть во всей Украине. **В условиях унитарного государства единственная возможность для региона защитить**

свою региональную идентичность – это добиться власти представителей региона над всей Украиной. Таким образом, унитарность государства наделяет любой местный конфликт по поводу реального или мнимого ущемления прав местного населения кризисным потенциалом общенационального масштаба.

Правовое игнорирование территориальных и этнических различий неизбежно станет в итоге причиной глубочайшего кризиса украинской государственности и территориальной целостности, которая будет подорвана попытками региональных сообществ отстаивать свое право на то, чтобы оставаться самими собой на своей земле.

Если Украина не найдет способа дать региональным сообществам право на собственное обустройство, сохранив при этом механизм воспроизводства общеукраинского единства, то ее неизбежно ждет судьба Австро-Венгрии или Российской империи, административно-правовая система которых фактически игнорировала наличие ярко выраженных территориально локализованных этнических, религиозных, культурных особенностей.

Чтобы не обращаться за аргументами к истории, достаточно посмотреть на нынешний кризис государственности в Молдавии, Сербии и Грузии. И там и там единство страны оказалось подорванным в силу попыток унификации правовой системы без учета устойчивых, исторически обусловленных территориальных и этнических особенностей.

Если обратиться к примеру стран Евросоюза, членства в котором добивается Украина, то можно заметить, что лишь два крупных (сопоставимых с Украиной по территории и населению) государства – Франция и Польша – являются унитарными. Но та же Франция, отстаивающая унитарный принцип, сравнительно недавно столкнулась с кровавым алжирским кризисом и в итоге утратила свои североафриканские провинции. И до сих пор Франция сталкивается с проблемой Корсики, упорно сопротивляющейся унификации, и уже отступает перед растущим корсиканским автономизмом.

Другая унитарная страна – Польша. Но базой для польской унитарной модели является этническая однородность страны. При этом следует помнить, что это было достигнуто в результате тотальной депортации немцев и украинцев со своей территории после Второй мировой войны, а также выталкивания из Польши тех евреев, которых не успели истребить нацисты. Слава богу, Украина не хочет и не может использовать такие методы! **Этническое, религиозное, языковое и культурное разнообразие ее территорий – неотменяемая особенность Украины.**

Проводить жесткую политику украинизации, как этого требуют крайние националисты, с целью ассимиляции национальных меньшинств или их выдавливания по аналогии с прибалтийскими государствами Украина не может. В отличие от той же Латвии национальные меньшинства Украины имеют право голоса. И **любая попытка насильственной украинизации влечет за собой радикализацию антиукраинских идей среди значительной части граждан Украины.**

Наивно полагать, что желаемое ультра националистами вступление Украины в ЕС снизит остроту этих межрегиональных и межэтнических противоречий. Например, за время долгого пребывания Испании в составе Евросоюза не только не решилась проблема Страны Басков, но к ней добавилась и проблема Каталонии. Членство в Евросоюзе не сгладило межрегиональных противоречий в Италии, не остывает упоминавшаяся корсиканская проблема во Франции. В случае с Украиной ситуация будет скорее усугубляться в силу того, что к украинско-русским противоречиям добавляются национальные претензии русинов, крымских татар, уже видна именно национальная перспектива и украинско-румынских (молдавских) противоречий. И эти претензии будут нарастать все более стремительно как в силу имманентных причин, так и в силу топорной украинизаторской политики современного Киева. Кроме того, украинская этническая общность сама по себе нестабильна – есть глубокие культурные различия (в том числе и языковые!) и политические противоречия между украинцами Галиции и украинцами восточной Украины.

Украинская ситуация парадоксальна – последовательное стремление власти консолидировать многонациональное население для формирования единой украинской нации приводит к политической дестабилизации, усилению межнациональных противоречий и к угрозам территориальной целостности страны. Причина этой парадоксальности – унитарный принцип построения украинского государства, который не соответствует исторически сложившейся культурной и этнической многовариантности регионов. Парадокс и в том, что территориальная и историческая ойкумена современного украинского национализма – Западная Украина – юридически не существует, раздроблена в советских еще границах областей и лишена единого политического голоса.

15 лет независимости Украины свидетельствуют, что усугубление имеющихся межрегиональных и межэтнических противоречий происходит также в периоды отказа страны от нейтральной внешней политики. Запад Украины крайне настороженно относится к любым идеям взаимодействия с Россией. Очень болезненно воспринимается военное присутствие России на территории Украины. А русскоязычный восток Украины резко негативно относится к перспективам участия страны в

антироссийских организациях (НАТО и ГУАМ) и мероприятиях.

Таким образом, **любой выбор в пользу присоединения страны к той или иной военно-политической конструкции является дестабилизатором внутренней ситуации.** Перспективы любого не-нейтрального выбора порождают неизбежные внутренние дискуссии, которые только усиливают существующие противоречия и ментально разрывают страну. (Совершенно безосновательным представляется тезис о том, что членство Украины в НАТО есть промежуточный этап на пути в Евросоюз. В том же Евросоюзе есть нейтральные страны, не входящие в военные блоки – например Австрия, Швеция, Финляндия. С другой стороны, есть страны – члены НАТО, которые долгое время безуспешно пытаются вступить в Евросоюз – например Турция.) Таким образом, конституционная трансформация Украины из унитарного в федеративное государство, а также неуклонное отстаивание принципа нейтральности являются важнейшими условиями решения внутренних противоречий страны.

Культурные и этнические различия регионов Украины обусловлены разностью их исторических судеб. Многовековой опыт одновременного существования территорий Украины в различных политических, культурных, религиозных условиях сформировал в каждой из этих территорий уникальный этнокультурный тип. Любая попытка унификации со стороны центральной власти превращается в попытку навязывания одного этнокультурного типа в качестве обязательного для остальных. В таких условиях достижение единства страны и построение единой нации невозможны. Таков был отрицательный советский опыт и сталинской «украинизации» в 1920-е – 1930-е годы, и опыт брежневской «русификации» в 1960-е – 1970-е.

Украине мог бы пригодиться опыт Германии, страны, сопоставимой с Украиной по площади, количеству населения и, главное, по степени различий между отдельными регионами.

Для сохранения целостной и процветающей Украины важно успешное построение собственной модели федерации. Путь, начатый созданием автономного Крыма и солидарным политическим признанием в западных областях Украины Виктора Ющенко президентом Украины (еще до третьего тура выборов), должен быть продолжен. Украинская федерация должна строиться не сверху – на основе советского административно-территориального деления, а снизу – на основе самоуправления земель, делегирующих центру необходимый для единства страны объем полномочий. Федеративная Республика Украина будет не только ответом на наиболее приемлемый для Украины германский опыт, но и ответом на европейскую практику и перспективу местного самоуправления, которое единственное в Европе создает демократию и развитие. Это будет адекватным и конструктивным ответом запада Украины востоку и востока – западу.

С точки зрения **территориального устройства будущей Федеративной Республики Украины** очевидно, что федерация будет состоять не из областей, а из более крупных образований – земель. В ее состав должны входить федеральные земли и федеральные города. К федеральным землям относятся:

- Волынская земля (Ровенская, Житомирская, Волынская области; столица – Ровно);
 - Галицкая земля (Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская, Черновицкая области; столица – Львов);
 - Донецкая земля (Донецкая, Луганская области; столица – Донецк);
 - Закарпатская земля (Закарпатская область; столица – Ужгород);
 - Запорожская земля (Запорожская, Днепропетровская области; столица – Днепропетровск);
 - Киевская земля (Киевская, Черниговская, Полтавская, Кировоградская области; столица – Чернигов);
 - Крымская земля (Автономная Республика Крым включая Севастополь; столица – Симферополь);
 - Подольская земля (Винницкая, Хмельницкая, Черкасская области; столица – Винница);
 - Приднестровская земля (бывшая Молдавская АССР; столица – Тирасполь);
 - Слободская земля (Сумская, Харьковская области; столица – Харьков);
 - Черноморская земля (Одесская, Николаевская, Херсонская области; столица – Николаев).
- К федеральным городам относятся Киев (столица федерации) и Одесса (вольный город).

Федеральные земли и федеральные города являются равноправными участниками федерации.

Земли являются самоуправляемыми, при этом федеральным властям принадлежат исключительные полномочия по осуществлению внешней политики, обороны, безопасности, контроль за финансовой политикой.

Центральная власть представлена двухпалатным парламентом: нижняя палата – Центральная рада и верхняя – Федеральный сенат. Центральная рада выбирается по пропорционально-мажоритарной системе: половина по партийным спискам, половина – по одномандатным округам.

Федеральный сенат формируется федеральными землями: они делегируют по три представителя из числа депутатов каждой Земельной рады. Кроме того, пожизненными сенаторами становятся

бывшие президенты и премьер-министры, пробывшие в должности не менее шести или двенадцати месяцев.

Центральная рада формирует из своих членов Федеральное правительство, которое и является главным исполнительным органом на территории Украины.

Президент Украины также выбирается Центральной радой, решение которой одобряется Федеральным сенатом. Президент как глава государства осуществляет представительские функции, а также является верховным главнокомандующим.

Фактически главная фигура федерального уровня – премьер-министр. Он возглавляет исполнительную власть, руководит работой правительства, осуществляет реализацию межземельных и федеральных программ. Если продолжить аналогию с Германией, то он – украинский канцлер.

Федеральный сенат назначает главу Федерального банка и судей Федеральных судов – конституционного, верховного и арбитражного. Сенат решает проблемы межземельных отношений, принимает окончательное решение об объявлении военного или чрезвычайного положения.

Главную роль в регионах играют Земельные рады. Они обладают всей полнотой власти на территории земли, за исключением полномочий федерации. Они формируют земельные правительства, они делегируют своих представителей в Федеральный сенат. Налоговая система строится на основе бюджетного федерализма – в землях должно оставаться не менее 50% собранных там налогов. Земли напрямую взаимодействуют между собой при осуществлении общих проектов.

Армия формируется по принципу землячества, что является возвратом к украинским традициям.

Государственный язык – украинский. Но земли могут предоставить дополнительный официальный статус на своей территории другим языкам. Кроме украинского официальным статусом могут обладать языки:

- Волынская земля – польский;
- Галицкая земля – польский;
- Донецкая земля – русский;
- Закарпатская земля – русинский и венгерский;
- Запорожская земля – русский;
- Киевская земля – русский;
- Крымская земля – русский и крымско-татарский;
- Подольская земля – русский;
- Приднестровская земля – русский и молдавский;
- Слободская земля – русский;
- Черноморская земля – русский;
- Одесса – русский.

Эти предложения, конечно, условны, несовершенны и нуждаются в существенных доработках. Но в связи с процессом конституционного обновления Украины в интересах стабильности страны лучше с самого начала понять и ликвидировать причины постоянной нестабильности, которые, напомним, – унитаризм и отказ от нейтралитета.

Федеративная система позволит сделать Украину более стабильной, прогнозируемой, приблизит власть к населению. Любые проблемы этнокультурного взаимодействия в рамках федерации решаются в пределах отдельной федеральной земли и не сотрясают все основание украинской государственности. Кроме того, федерализм не допускает возможности узурпации власти кем бы то ни было и полностью соответствует всем демократическим стандартам.

Только Федеративная Республика Украина встанет в один ряд с Федеративной Республикой Германией, федеративной Австрией, федеративной Швейцарией и, бог даст, федеративными Соединенными Штатами Америки.

Грузия

Закавказская аномалия и Джавахский вопрос – мини-империи в новой реальности

ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ, имевшие место в армянонаселенном городе Грузии Ахалкалаки – одном из городских центров Самцхе-Джавахетского края, явили собой лишь отдельное звено в более длинной цепи противоречий, опоясывающих губернию на протяжении 15 лет независимого развития грузинского государства. В течение данного хронологического отрезка региональные СМИ не перестают обращать внимание на ситуацию в этом крае; вопреки всем заверениям официального Тбилиси, обстановка в губернии остается стабильно напряженной. Приливы напряженности чередуются, как правило, с ее отливами, однако в целом регион Самцхе-Джавахети объективно располагается в зоне повышенного притяжения разных интересов. В данном материале мы не будем анализировать их генезис, равно как и последние события, а постараемся акцентировать внимание на факте обращения общественно-политической инициативы «Интеграция, но не ассимиляция» к руководству Грузии на предмет предоставления отдельным армянонаселенным районам автономного статуса. Данное обращение имело место 23–24 сентября в ходе состоявшейся в городе Ахалкалаки конференции «Статус Джавахка в государственной структуре Грузии» и фактически явилось ее итогом. Речь практически идет о создании на территории Грузии нового федерального субъекта. Это весьма важный аспект проблемы, который действительно достоин детального анализа.

Плюс автономизация всей страны?

«В Грузии будет только три автономии, – однозначно заявил в Ереване грузинский премьер-министр Зураб Ногаидели уже на шестой день после упомянутого обращения, – абхазская, аджарская и цхинвальская!» Несмотря на перспективный вектор его слов, данное утверждение базируется по сути на реалиях прошлого: именно таким было административное деление Грузинской ССР, с той лишь разницей, что нынешний Цхинвальский регион именовался тогда Юго-Осетинской автономной областью. Об этом стоит поговорить подробнее, ибо истоки напряженности в Самцхе-Джавахетии тесно связаны с национальной политикой СССР. Точнее, ее закавказскими проявлениями.

Советская Грузия занимала территорию 69,7 тыс. квадратных километров, что соответствовало всего 0,31% площади СССР. И тем не менее был один фактор, который ставил эту республику в совершенно особое положение: фактор наличия автономий. На территории этой республики существовали три автономных образования – Абхазская АССР (площадь 8,6 тыс. квадратных километров), Аджарская АССР (2,9 тысячи) и Юго-Осетинская АО (3,9 тысячи). Суммарная территория автономий в Грузии составляла 15,4 тыс. квадратных километров, или 22% ее общей площади. Ни одна из союзных республик СССР, за исключением РСФСР, не могла сравниться с Грузией по этому показателю: отметим, что суммарная площадь всех 16 автономных республик

Российской Федерации, включая огромную по размерам Якутскую АССР (3103,2 тыс. квадратных километров), составляла 4701 тыс. квадратных километров, или 27% территории РСФСР. (В Советской России, разумеется, существовали также и пять автономных областей, и десять автономных округов, однако этнический состав РСФСР, наиболее пестрый в мире, объективно предполагает иной контекст.)

Все три автономии Грузинской ССР были образованы почти одновременно, в период, когда национальной политикой в Советской России руководил Иосиф Сталин. Он же имел непосредственное влияние на логику образования социалистических автономий в советизированных республиках Кавказа. Раньше других (4 марта 1921 года) образовалась Абхазская АССР, которая только 16 декабря того же года вошла в состав новой Грузии. Формирование Аджарской АССР как субъекта советской Грузии началось 16 июня 1921 года, а Юго-Осетинской АО – 20 апреля 1922 года. В декабре 1922 года образовался СССР; Грузия вместе с советскими Арменией и Азербайджаном вошла в состав нового государства как одна из трех составляющих Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики. Ее административные границы остались при этом неизменными.

Объективно Грузинская ССР была очерченной синим мягким карандашом Иосифа Сталина советской мини-империей. Именно этим обстоятельством и объясняется наличие на малой площади сразу трех автономных образований. Однако если следовать логике образования советских автономий, то на территории Грузии непременно должна была существовать еще одна автономия – Армянская. Фактор компактного проживания на территории, в частности Ахалкалакского и Богдановского (ныне – Ниноцминдского) районов, 200-тысячного армянского населения, составляющего более 90% жителей этих административных единиц (территория Ахалкалакского района составляет 1,233 тыс. квадратных километров; Богдановского – 1,379 тысячи), объективно предполагал образование новой национальной автономии. В данном случае мы не обсуждаем вопрос традиционного преобладания армянского населения и в других районах нынешней Самцхе-Джавахети, особенно в важнейшем армянском просветительском центре – Ахалцихском районе.

Железное правило советской демократии

Грузия, таким образом, являлась единственной в Советском Союзе республикой, где две сотни тысяч компактно проживающих представителей нетитульной национальности не имели собственной автономии. Почему?

Этот вопрос существует объективно, независимо от желания кого бы то ни было его ставить. Именно поэтому он непременно должен получить свой ответ, особенно учитывая его важность в деле понимания нынешней ситуации и в Самцхе-Джавахетской губернии, и в регионе в целом.

Наличие уже четвертой автономии на территории Советской Грузии, разумеется, еще в большей степени подчеркнуло бы искусственность образования этой республики в обозначенных Сталиным административных границах, что никоим образом не могло соответствовать стремлениям идеологов советской национальной политики. Тем более что возможная «армянская автономия» географически должна была находиться непосредственно на границе с Армянской ССР: обстоятельство, которое также нужно было как-то обосновать и адаптировать к принципам ведения национальной политики СССР. Однако основная причина недопустимости образования «армянской автономии» на территории Грузии скрывалась не в этом. Она тесно связана с принципом советского метода разрешения вопроса «армянских земель» на Южном Кавказе.

Официальное наименование каждого из составляющих СССР автономных субъектов в обязательном порядке заключало в себе этноним; «железное правило советской демократии» имело непереносимое хождение по всей территории Союза, вне зависимости от иерархического статуса того или иного субъекта, будь то союзная республика, автономная республика, автономная область или автономный округ. Фактор наличия на советской административной карте Дагестанской АССР в РСФСР (образовалась 20 января 1921 года) и Горно-Бадахшанской АО в Таджикской ССР (образовалась 2 января 1925 года) не воспринимается как исключение, ибо оба этих субъекта не являлись и не являются моноэтническими образованиями. Они характеризуются крайне пестрым, наиболее пестрым в мире этническим составом, что делает невозможным выделение там одной отдельно взятой «титульной национальности». Именно поэтому ни Дагестан (где проживают аварцы, лакцы, лезгины, табасараны, рутульцы, кубачинцы, кумыки, даргинцы и еще более двух десятков национальностей), ни Горный Бадахшан (этническое многообразие которого составляют шугнанцы, рушанцы, бартангцы, ваханцы, язгулемцы, ягнобцы, ишкашимцы и другие) не могут считаться исключением из «железного правила». Не является исключением также и Горно-Алтайская АО в составе РСФСР, о которой, как правило, упоминается реже: она была сформирована 1 июня 1922 года и вплоть до 7 января 1947 года называлась Ойротской АО, в соответствии с этнонимом «ойрот» (или

ойрат) – родственного калмыкам западномонгольского племени, населяющего предгорья Алтая. Переименование области произошло в силу того, что упомянутое племя было отнюдь не единственным алтайским этносом:

данный район также характеризовался весьма пестрым составом населения – в нем жили тубалары, челканцы, кумандинцы, телеуты, телесы, теленгиты, алтайкижи и другие. Считаем необходимым специально акцентировать внимание на этих общеизвестных фактах, так как «железное правило» действительно имело силу на всей территории СССР: наименования 15 союзных республик содержали в себе этноним; наименования всех автономных республик, областей и округов также подчеркивали их «национальную принадлежность».

Автономными субъектами РСФСР являлись республики (Башкирская, Бурятская, Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Карельская, Коми, Марийская, Мордовская, Северо-Осетинская, Татарская, Тувинская, Удмуртская, Чечено-Ингушская, Чувашская, Якутская), области (Адыгейская, Горно-Алтайская, Еврейская, Карачаево-Черкесская, Хакасская), округа (Агинский Бурятский, Ордынский Бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Эвенкийский и Долгано-Ненецкий). Автономным субъектом Узбекистана являлась Каракалпакская АССР. В Грузии – уже упомянутые Абхазская АССР, Аджарская АССР и Юго-Осетинская АО. Единственной союзной республикой, на территории которой «железное правило» не действовало, был Азербайджан.

Закавказская аномалия в национальном вопросе

В первой половине 1920 года на территории Азербайджанской ССР были образованы две автономии – Нахичеванская АССР (в феврале 1924 года; площадь – 5,5 тыс. квадратных километров) и Нагорно-Карабахская АО (в июле 1923 года; площадь – 4,4 тыс. квадратных километров). Часть площади Восточной Армении с явной доминантой именно армянского этнического элемента была таким образом урезана в пользу Азербайджана, чем и обусловился факт официального отхода от обязательных во всех других случаях положений «железного правила советской демократии»: этнографическая карта мира не знает таких понятий, как «нахичеванец» или «карабахец». Искусственное замещение этнонимов топонимами стало вынужденным шагом идеологов советской национальной политики, так как в противном случае (в случае беспрекословного следования положениям «железного правила») непосредственно на границах Армянской ССР должны были бы возникнуть две армянские автономии, «Армянская АССР» и «Армянская автономная область» – обстоятельство, которое подчеркнуло бы факт урезывания армянских территорий и никак не вписывалось в контекст пропагандируемой советским руководством политики интернационализма. Появление на административной карте ЗСФСР, а позднее Советского Закавказья двух указанных автономий с соответствующими названиями стало, таким образом, единственным исключением из «железного правила» на всем пространстве СССР. Однако в случае с «армянским вопросом» имело место и другое исключение, о котором мы уже говорили выше: на территории Советской Грузии, непосредственно примыкающей к северо-западным границам Армянской ССР, на ограниченной площади с двухсоттысячным армянским населением, составляющем 90% от общего числа населения данных районов, так и не была образована национальная автономия. И опять вопреки уже другому положению «железного правила».

Причина очевидна: появление уже на северных границах Советской Армении третьей армянской автономии невозможно было «переварить» именно идеологически. Следование принципам ведения советской национальной политики в данном регионе обусловило бы совершенно парадоксальную и абсурдную картину: на небольшой площади в 45 тыс. квадратных километров (территория, сопоставимая с площадью Эстонии) разместились бы сразу четыре «армянских административных субъекта» – Армянская ССР; Армянская АССР и Армянская АО (в Азербайджанской ССР); Армянский автономный округ (в Грузии). Факт отсутствия у армянского населения Джавахка (Ахалкалакский и Богдановский районы) своей автономии следует воспринимать именно в этом главном аспекте.

В результате осуществленного в Закавказье «национального передела» на территории этого небольшого региона образовалось сразу пять автономий с общей площадью свыше 25 тыс. квадратных километров – показатель, сопоставимый с площадью Армянской ССР (29,74 тыс. квадратных километров). Таким образом, в течение 70 лет в данном регионе объективно существовали две советские мини-империи – Грузия и Азербайджан, нынешнее руководство которых до сих пор не желает осознавать эту очевидную истину и мириться с современными реалиями: и Грузия, и Азербайджан были приняты в ООН и стали полноправными субъектами международного права

именно как империи, но это обстоятельство никак не убавило и не могло убавить региональной напряженности.

Р.С. Свидетельством преобладания именно имперских подходов в официальной политике суверенных Грузии и Азербайджана являются нежелание Тбилиси придать автономный статус по крайней мере двум «армянским районам» Самцхе-Джавахетской губернии и отрицание со стороны Баку права автохтонного армянского большинства Нагорного Карабаха на самоопределение. Численность армян Джавахка в настоящее время уже составляет менее 100 тыс. человек, и этому населению грозит участь нахичеванских армян, которых практически не осталось на их исторической родине. Помимо этого власти Азербайджана продолжают игнорировать права других автохтонных народов, населяющих эту советскую империю. Более того, руководство Баку жестоко подавляет любое проявление национального самосознания представителей нетитульных этносов, что в условиях Азербайджана и логики становления этого искусственного образования равнозначно требованию по крайней мере национальной автономии. Примечателен в данном аспекте прецедент Талыш-Муганской республики: она была провозглашена в июне 1993 года именно в тот период, когда военно-стратегическое преимущество на Карабахском фронте перешло к армянским силам и Азербайджану реально угрожал распад. Трехмесячное существование этой республики (восстание талышей под руководством Али-Акрама Гумбатова было подавлено 23 августа в Ленкорани) явило собой вторую, однако неудачную попытку провозглашения на постсоветском пространстве новой республики не на автономном субстрате. Первый пример – Приднестровье.

Р.Р.С. Отметим, что наряду с Советской Грузией Азербайджанская ССР была второй союзной республикой, несколько десятков тысяч жителей которой – представителей одной отдельно взятой нетитульной национальности были лишены права иметь собственную автономию. По переписи населения 1926 года, численность компактно проживающих в Ленкоранском, Ярдымлинском, Астаринском, Массалинском и Лерикском районах Азербайджанской ССР ираноязычных талышей составляла 77,3 тыс. человек. В 1939 году их стало 87,5 тысячи. Очевидно, что подавляющее большинство советских автономий создавалось на базе более низких демографических показателей. Как и в Грузии, ожидаемого образования автономии не произошло также и в Азербайджане. Более того, в переписи 1959 года численность талышей была определена всего в 100 человек, а в 1970 и 1979 годах талыши как народ уже не фиксировались. В настоящее время численность талышского населения в Азербайджане определяется в количестве от 250 тысяч до 1 миллиона и выше (по данным активистов талышского движения). Примечательность прецедента Талыш-Муганской республики также и в том, что ее провозглашение явилось свидетельством готовности населяющих Азербайджан народов встать на борьбу за самоопределение в любой удобный момент. Это касается и кубинских лезгин, и закатальских и белаканских аварцев, и илисуйских цахуров, и нухинских рутульцев, и других дагестанских (да и не только) народов. Однако это тема отдельного материала.

Резюме

Требование армянского населения Джавахка предоставить ему национальную автономию в составе Грузии базируется, таким образом, на мощном историческом субстрате и является следствием осуществленной в регионе в первой половине 1920-х годов специальной демографической политики. Естественность данного требования и есть залог его же высокого иммунитета в отношении всевозможных реформ в регионе. Важнейшая такая реформа – создание Самцхе-Джавахетской провинции – была осуществлена официальным Тбилиси в середине 1990-х и призвана была обеспечить необходимый демографический баланс в одной отдельно взятой административной единице. Еще до проведения данной реформы армянское население Джавахка неоднократно поднимало вопрос об автономии: в первой половине 1990-х уже лоскутная Грузия разрывалась по административным швам, причем армянские организации Джавахка полностью контролировали ситуацию в своем регионе. В этот период только вмешательство Еревана в сам процесс не позволило армянскому населению Джавахка добиться автономии. Однако искусственное слияние шести совершенно разных по географическим, историческим, а также этнокультурным особенностям районов – двух армянских (Ахалкалакский, Ниноцминдский), трех смешанных (Ахалцихский, Аспиндзский и Адигенский) и одного грузинского (Боржомский) не нивелировало, а только усугубило противоречия.

Армянское население Самцхе-Джавахетской губернии продолжает требовать автономии. Закрывать глаза на этот факт недопустимо, равно как и нельзя объяснять существующую напряженность исключительно социально-экономическими и бытовыми составляющими. Именно так выходила из-под контроля ситуация в Нагорном Карабахе. Армянское население Самцхе-Джавахети

требует гарантий собственной безопасности, культурно-образовательных свобод, приостановления процесса массовой картвелизации армянских архитектурных памятников, а также выступает против притока турков-месхетинцев, ибо именно таким образом армянский народ Южного Кавказа лишается единственного на сегодняшний день сухопутного выхода во внешний мир, пролегающего не по тюрконаселенной территории. Подобные гарантии армяне Джавахка связывают с предоставлением им автономии и возможностью иметь право голоса в процессе принятия федеральными властями соответствующих постановлений по губернии, в частности, перспективных коммуникационных проектов, против которых также выступает армянское население Джавахка.

Можно, конечно, оспаривать позиции джавахкских армян по отдельным пунктам, но для этого необходим серьезный диалог между Тбилиси и Ереваном. Такого диалога в настоящее время нет. Представители высшего руководства двух государств все еще предпочитают не затрагивать «больные темы» и склонны воспринимать факт частых обращений армянских организаций на предмет предоставления автономии Джавахку в качестве инициативы «отдельных горячих голов», не отражающих мнения населения. Опасность ситуации в том, что в условиях отсутствия адекватной реакции на объективно наличествующую в регионе напряженность, равно как и попыток по ее переводу в русло конструктивного и контролируемого диалога, эта напряженность может быть использована и третьими странами, ибо «свято место (особенно в политике) пусто не бывает», тем более в таком ключевом регионе Южного Кавказа, каким, несомненно, является Самцхе-Джавахети.

Сергей Минасян.

Почему армяне Самцхе-Джавахети требуют у властей Грузии автономии?

В АДМИНИСТРАТИВНОМ ЦЕНТРЕ Джавахети городе Ахалкалаки 23–24 сентября 2005 года состоялась Третья конференция общественно-политической инициативы «Интеграция, но не ассимиляция» на тему: «Статус Джавахка в государственной структуре Грузии». В рамках данной инициативы Совета общественно-политических организаций Самцхе-Джавахети ранее были проведены две аналогичные конференции: по социально-экономической ситуации в регионе (11 декабря 2004 года) и по вопросам культуры и образования (2 апреля 2005 года). По итогам конференции было принято обращение к властям Грузии, в котором содержался призыв предоставить региону Самцхе-Джавахети в его нынешних административных границах и прилегающим населенным пунктам соседнего региона Квемо-Картли, заселенным преимущественно армянами, статус одного из автономных федеральных субъектов Грузии с наделением широкими полномочиями по самоуправлению, включая право на избрание населением всех органов местного самоуправления, а также придание армянскому статусу второго официального языка в регионе.

Попытки центральных грузинских властей игнорировать решения двух предыдущих конференций Совета общественно-политических организаций Самцхе-Джавахети явились одной из причин того, что на конференции 23–24 сентября ее организаторы были вынуждены более предметно выдвинуть свои требования официальному Тбилиси уже по политическим вопросам. Причем, как и все предшествующие инициативы совета в социально-экономической и культурно-образовательных сферах, нынешний призыв к властям Грузии полностью соответствует действующему грузинскому законодательству, основополагающим демократическим принципам, а также правам и свободам национальных меньшинств согласно существующим международным и европейским стандартам. Наряду с этим основными поводами для столь радикальных шагов общественности Джавахка явились также сложившаяся за последние годы в регионе тяжелая экономическая и политическая ситуация, не вполне искренние и поверхностные шаги грузинского руководства по ее улучшению, а также по проведению соответствующих политических реформ и реализации программ по экономической реабилитации края. Вместе с тем в период после «розовой революции» 2003 года и прихода к власти нового правительства во главе с Михаилом Саакашвили в Джавахети участились также инциденты и факты дискриминации армян по национальному признаку со стороны представителей властных структур Грузии. Кстати, во многом аналогичная ситуация складывается и в населенных преимущественно азербайджанцами восточных регионах Грузии, особенно в Квемо-Картли.

Лакмусовой бумажкой, символизирующей нежелание грузинских властей учитывать в своей политике мнение и права национальных меньшинств, стал недавний проект нового закона о местном самоуправлении, который предполагает еще большую централизацию и лишение регионов минимального уровня самоуправления. Вместе с тем власти Грузии отказываются принимать большинство рекомендаций Венецианской комиссии и экспертов ряда других европейских и международных организаций, которые в своих отчетах четко указывают на необходимость соблюдения страной взятых на себя обязательств в сфере децентрализации власти, реального местного

самоуправления, защиты прав и свобод национальных меньшинств. Причем это проявляется не только по отношению к регионам с преобладающим армянским или азербайджанским населением – вспомним хотя бы действия официального Тбилиси по понижению до чисто фиктивного статуса автономии Аджарской республики после изгнания оттуда Аслана Абашидзе.

С надеждой на помощь европейского сообщества осенью прошлого года Совет общественно-политических организаций Самцхе-Джавахети обратился в Мониторинговую комиссию ПАСЕ относительно несоблюдения Грузией многих обязательств (в частности, ратификации Рамочной конвенции Совета Европы по защите национальных меньшинств 1995 года), взятых ею при вступлении в эту организацию. Хотя нератификация конвенции не освобождает грузинские власти от обязательств по соблюдению основополагающих европейских прав и свобод в сфере защиты национальных меньшинств, тем не менее это отрицательно сказывается на адекватном восприятии политики официальных властей Тбилиси. Кстати, именно этим и объясняется то, что европейские партнеры Грузии, четко осознавая все отрицательные последствия нарушения прав национальных меньшинств для нормального развития и стабильности в этой стране, включили ратификацию Рамочной конвенции как необходимое условие реализации Программы индивидуального партнерства (IPAP) Грузии с НАТО.

В конце прошлого года известный политолог, ныне руководитель грузинского филиала «Института гражданского общества – Фонда Сороса» Давид Дарчиашвили, на мой вопрос, почему до сих пор грузинский парламент не ратифицировал указанную Рамочную конвенцию и другие релевантные европейские документы по защите национальных меньшинств и местному самоуправлению, ответил, что этого не позволяет сделать занятость грузинских парламентариев – «руки не доходят». Хотя, честно говоря, возникает справедливый вопрос: что может быть главнее для парламента Грузии на фоне провозглашенного руководством страны курса на максимальную европейскую и евроатлантическую интеграцию, чем принятие основополагающих европейских документов по фундаментальным правам и свободам человека? Ведь их успешная реализация максимально эффективно скажется на повышении международного авторитета и престижа Грузии не только в глазах ее европейских партнеров, но и положительно отразится на взаимоотношениях со своими «мятежными автономиями» – Абхазией и Южной Осетией. Но в реальности, к сожалению, грузинская национальная политическая элита и экспертно-аналитическое сообщество не могут пока еще пойти на такой шаг – сказывается этнонациональная травма постсоветской Грузии первой половины 1990-х годов. После потери в результате кровавых конфликтов двух своих бывших автономий грузинское общество пока еще не может пойти на смягчение своей политики к оставшимся в стране регионам с компактно проживающими национальными меньшинствами – Самцхе-Джавахети и Квемо-Картли.

Именно поэтому, несмотря на многочисленные формальные и декларативные заявления официального Тбилиси, после очередной смены власти в стране в 2003 году все ожидания армянского населения Джавахети по улучшению социально-экономической и политической ситуации в регионе так и остались нереализованными, а методы нового грузинского правительства – практически неизменными и удивительно напоминающими политику периода Эдуарда Шеварднадзе. К этому надо добавить и серьезные опасения местного армянского населения относительно своей физической безопасности и в связи с отсутствием альтернативных механизмов по ее обеспечению после окончательного вывода 62-й российской военной базы из Ахалкалаки. Вывод базы планируется примерно на конец 2007 года. Это событие особенно негативно воспринимается местными армянами по двум причинам: во-первых, значительная часть населения региона экономически тесно связана с российской базой, а во-вторых, на социально-бытовом уровне она традиционно воспринималась поколениями джавахкцев как неперенный и необходимый атрибут их жизни.

Эйфория «розовой революции» и бескровное восстановление контроля центральных властей над Аджарией породили у определенной части правящей элиты Грузии иллюзию возможности осуществления жесткой и форсированной политики «интеграции меньшинств в грузинское общество» и централизации властных рычагов в регионе Самцхе-Джавахети. Однако в реальности это лишь привело к тому, что после нескольких инспирированных властями конфликтов у местного населения укрепилось убеждение, что истинной целью грузинской политической элиты является не решение накопившихся проблем Джавахка и эволюционное вовлечение армянского меньшинства в общегрузинскую экономическую и общественно-политическую жизнь, а полное вытеснение или ассимиляция негрузинского этнического элемента. Лишним подтверждением этого факта могут стать и первые появившиеся негативные отклики значительной части грузинских журналистов и экспертов на решения Третьей конференции общественно-политической инициативы «Интеграция, но не ассимиляция» в Самцхе-Джавахети. Конечно, отчасти можно понять, что это вызвано сохраняющимися в грузинском обществе болезненными ассоциациями и аналогиями с Абхазией и

Южной Осетией. Однако называть инициативу граждан собственной страны, которые обращаются к властям Грузии с просьбами и предложениями по реализации своих естественных конституционных прав, «сепаратистскими действиями» – это значит заранее отказываться понять проблемы своих соотечественников и не искать путей их преодоления. Как отмечают общественно-политические организации Джавахетии в своем обращении к правительству Грузии, «несбалансированный подход к национальным меньшинствам (а тем более к считающимся коренными и компактно проживающими на определенной территории) в государственной структуре Грузии может нанести ущерб международному имиджу Грузии и развитию демократии в стране... нанести удар по интеграции в общество национальных меньшинств... вызвать новую и нежелательную напряженность».

Таким образом, грузинская общественность и политическая элита должны попытаться честно ответить на вопрос – готовы ли они, в том числе даже учитывая недалекий исторический опыт взаимоотношений с Южной Осетией и Абхазией, попытаться либерализовать свой подход к имеющимся национальным меньшинствам страны, компактно проживающим в отдельных регионах и составляющим там абсолютное большинство населения. Как заявляют представители Совета армянских общественно-политических организаций Самцхе-Джавахети, в случае отсутствия положительной реакции со стороны властей Грузии они будут вынуждены пойти на дальнейшие цивилизованные и предусмотренные законодательством и международными законами меры, в том числе по проведению референдума относительно автономии региона и федерализации Грузии. Только в этом случае у армян – одного из государствообразующих этносов Грузии, традиционно игравшего важную роль в ее истории, – будут естественные стимулы к реальной интеграции в общественно-политическую и культурную общность этой страны. Тогда эти действия смогут найти поддержку также и у политических сил и структур Армении.

Сентябрь 2005 года

Сергей Минасян.

Автономизация Самцхе-Джавахети исходит из интересов Грузии

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ 2005 ГОДА в городе Ахалкалаки состоялась Третья конференция общественно-политических организаций Самцхе-Джавахети в рамках инициативы «Интеграция, но не ассимиляция» на тему: «Статус Джавахка в государственной структуре Грузии». По ее итогам было принято обращение к руководству Грузии с просьбой предоставить ряду армянонаселенных районов страны автономный статус. Речь фактически идет о создании на территории Грузии нового федерального субъекта. Прошло уже более месяца после этого чрезвычайно важного события, и можно констатировать, что на данный момент главным итогом этого события явилось отсутствие каких-либо конструктивных откликов или результатов. Негативных событий и инцидентов за этот месяц в Джавахке было более чем достаточно, однако положительных явлений пока не наблюдается. Наблюдается сознательное замалчивание в грузинской прессе и экспертном сообществе проблемы автономизации региона. Кроме нашумевшего инцидента в Ахалкалаки 5 октября 2005 года, заявлений ряда высших руководителей Грузии и Армении и даже странных комментариев депутата грузинского парламента предположительно армянского происхождения Вана Байбурта, другой реакции пока нет. Так что же, может быть, действительно это событие не является настолько значимым и не заслуживает серьезного внимания?

Однако все наоборот: проблема предоставления статуса автономии Самцхе-Джавахети и ряду прилегающих армянонаселенных районов самым серьезным образом затрагивает интересы всех стран региона и даже без всякого преувеличения можно сказать, что является важным фактором геополитики на всем Южном Кавказе. Для более ясного представления проблемы надо проанализировать складывающуюся ситуацию с точки зрения заинтересованных геополитических игроков, а также самого населения Джавахка. Инициативы достижения вероятного статуса автономии или расширенного самоуправления для региона Самцхе-Джавахети и прилегающих районов являются не интригами ряда политических сил или даже отдельных групп, как это пытаются зачастую представить должностные лица в Грузии и за ее пределами, а мечтой многих поколений подавляющего большинства армянского населения Джавахка. Отрицание этой истины со стороны кого бы то ни было или является политическим лицемерием, или же вызвано политической необходимостью.

Более того, если быть искренними до конца, было бы неестественным, если бы компактно проживающее и составляющее абсолютное большинство армянское население Джавахка, живущее непосредственно на границе с Арменией, не желало бы воссоединения или хотя бы наличия более тесной связи со своей исторической родиной. Десятилетиями на протяжении всей истории Советской Грузии армянское население этой республики с горечью наблюдало, как сотни тысяч армян были

вынуждены или ассимилироваться, или покинуть Грузию, где они традиционно являлись второй государствообразующей нацией и внесли весьма значительный исторический вклад в процветание этой земли и развитие грузинской государственности. Однако, как говорится, политика – это реализация реальности, и поэтому нет ничего удивительного, что за весь постсоветский период политические устремления населения Джавахка никогда не доходили до требований о воссоединении с Арменией. Реальный автономный статус Самцхе-Джавахети полностью удовлетворил бы политические амбиции и этнозащитные интересы населения региона, резко поднял бы их доверие к властям и политической элите Грузии, избавил бы армянское население от комплекса перманентной дискриминации и способствовал его реальной интеграции в общественно-политическую жизнь страны.

Для Армении предоставление автономии Джавахку, безусловно, явилось бы важным положительным фактором, что сняло бы, пожалуй, основную и единственную проблему, всегда существовавшую в отношениях между Ереваном и Тбилиси, и способствовало подлинному стратегическому партнерству двух стран. В политических и экспертных кругах Грузии зачастую высказывается мнение, что предоставление автономного статуса Джавахку явится первым шагом на пути «сепаратизма» и объединения региона с Арменией. Однако это чересчур упрощенный и поверхностный взгляд на проблему, усугубляющийся неуместными в данном контексте аналогиями с Абхазией и Южной Осетией.

На самом деле для Армении гораздо выгоднее иметь Джавахк с автономным статусом в составе Грузии, чем его гипотетическое «присоединение». Во-первых, автономный статус всегда будет фактором конструктивного влияния Армении на Грузию и наоборот. Во-вторых, автономный Джавахк будет политическим фактором совместного влияния Армении и Грузии (и рассматриваться таковым со стороны внерегиональных акторов – США, ЕС и России) на Турцию и Азербайджан. В-третьих, реальный автономный статус Джавахка позволит привлечь туда (в перспективе и во всю Грузию) масштабные инвестиции армянской диаспоры и решить многие социально-экономические проблемы, а в условиях стремлений Грузии и Армении к европейской и евроатлантической интеграции и, как следствие, ослаблению таможенных и иных преград, экономическая составляющая проблемы будет постепенно терять свою актуальность. И, наконец, аксиомой является то, что попытки включения Джавахка в состав Армении при любых обстоятельствах на многие десятилетия превратят два исторически дружественных государства христианского Востока во врагов и приведут к непредсказуемым последствиям для этих стран. Таким образом, для Армении предоставление автономного статуса Джавахку является максимально достаточным решением проблемы.

Для Азербайджана предоставление автономного статуса Джавахку на первый и поверхностный взгляд является положительным прецедентом, так как приведет к аналогичному подходу по отношению к азербайджанскому населению восточных и северо-восточных районов Грузии, непосредственно примыкающих к Азербайджану. Однако при всей схожести ситуации с Джавахком в «азербайджанском варианте» есть одно, но весьма существенное различие, которое кардинально меняет все подходы к этому вопросу. Этим различием является демографический фактор. Если армянское население Самцхе-Джавахети стабильно уменьшается, а в масштабах всей Грузии за постсоветские годы снизилось почти в два раза (с полумиллиона до 250 тыс. человек), то азербайджанское население Грузии на фоне продолжающегося уменьшения титульного грузинского этноса не менее стабильно увеличивается.

Азербайджанское население Грузии – единственное национальное меньшинство страны, удельный вес которого в период после обретения Грузией независимости возрос. В условиях приближающейся в скором времени «демографической ямы» для Грузии (по оценкам экспертов, в ближайшие 10 лет население Грузии естественно уменьшится на 5–7%, а к 2050 году – на 40–50%), удельный вес азербайджанского населения в этой стране будет еще более увеличиваться. Грузинское правительство пытается экономически стимулировать многодетные семьи, однако ясно, что это приведет к еще большему росту удельного веса азербайджанского населения страны. Естественно, что увеличение численности азербайджанского населения приводит к этногеографической «экспансии» и расширению ареала их проживания на запад и северо-запад (Рустави, пригороды Тбилиси) и на юг (Тетрицкаро, Цалка), ближе к границам с Турцией.

В этих условиях возникает справедливый вопрос: зачем азербайджанцам автономия сейчас, когда ее предоставление институционально и географически может ограничить их дальнейшее распространение по территории Грузии, когда в весьма обозримом будущем впору будет предоставлять такую автономию уже самим грузинам как национальному меньшинству в восточных районах своей страны? Время играет на руку азербайджанскому населению Грузии (кстати, материально намного лучше обеспеченному, чем большинство представителей титульной нации страны) и, наоборот, против грузинского населения. Тем более что в Цалкском районе,

непосредственно примыкающем с юга (и лежащем на севере от Джавахка) к азербайджанонаселенным территориям, исторически проживающие там десятки тысяч греков за последнее десятилетие практически полностью выехали на постоянное жительство в Грецию, а демографического потенциала для заселения этих земель у представителей титульной нации Грузии не хватает. А, как известно, «свято место пусто не бывает», и недалек тот день, когда начнется массовое заселение этих территорий азербайджанцами. Таким образом, исходя из указанных факторов получается, что для азербайджанского населения главным является не получение статуса автономии в пределах Грузии, а планомерное расширение территории обитания с конечной целью выхода на юге к границе с Турцией. Здесь цена вопроса, как говорится, всего в 80–100 километрах и нескольких десятилетиях исторического времени. Ну и, наконец, решающим и определяющим завершением этого процесса может явиться переселение сотен тысяч турок-месхетинцев в Самцхе-Джавахети, согласно обязательствам, взятым на себя Грузией при вступлении в Совет Европы. В данном случае опасность кроется в том, что, несмотря на неоднократные заверения самого высшего руководства Грузии, что все его действия по выполнению обязательств перед Советом Европы по туркам-месхетинцам являются исключительно декларативными и чисто формальными, на каком-то этапе грузинское руководство все же будет вынуждено уступить совместному давлению Турции и Азербайджана и начать реальный процесс обустройства сотен тысяч этих людей.

Для самой Грузии предоставление статуса автономии Самцхе-Джавахети представляется крайне нежелательным, что объясняется устойчивыми опасениями грузинской политической элиты, что это приведет к полной потере края. Неудачные исторические аналогии на примере Абхазии и Южной Осетии, естественно, только укрепляют грузинское общество и руководство в этой позиции, сама постановка этого вопроса для грузинского общества и политической элиты – огромный удар по национальному самолюбию. Тем не менее в вопросе предоставления статуса автономии для Самцхе-Джавахети можно найти немало положительных элементов для самой Грузии. Решение данного вопроса снимет вечную головную боль грузинского руководства по крайней мере по отношению к одному из национальных меньшинств страны и положит начало действительно стратегическим отношениям с Арменией. А то, что эти отношения крайне важны как для Армении, так и для Грузии, не приходится сомневаться. Та «демографическая бомба», которая заложена в Грузии, рано или поздно непременно «сработает», тогда «братскими отношениями», существующим в настоящее время у Грузии с Турцией и Азербайджаном, придет конец, и Тбилиси понадобится новый и естественный союзник. С другой стороны, создание автономии в Джавахке значительно поднимет международный имидж Грузии, в том числе в евро-структурах, а также явится привлекательным фактором для ее «мятежных» автономий – Абхазии и Южной Осетии. А все проблемы армянского населения региона можно будет решать уже в рамках цивилизованного конституционного политического процесса.

Можно не сомневаться, что геополитическое значение региона Самцхе-Джавахети многократно возрастет после завершения всех масштабных энергетических и коммуникационных проектов на Южном Кавказе, в том числе тех, которые непосредственно соединяют Турцию и Азербайджан. В этих условиях, при наличии потенциальных демографических резервов азербайджанского населения, перманентной реанимации проблемы турок-месхетинцев и активизации процесса превращения Азербайджана в главного субъекта коммуникационных проектов в регионе, возрастает важность институционализации армянской общины Джавахка, придания ей автономного статуса и превращения в геополитический аргумент для Грузии. Грузинскому руководству рано или поздно придется сделать нелегкий выбор, в том числе исходя из геополитических категорий, и от этого выбора зависит будущее не только Грузии, но и в немалой степени самой Армении.

Октябрь 2005 года

Сергей Минасян.

Армяно-американские иллюзии Тбилиси и ситуация в Джавахке

СОБЫТИЯ В ДЖАВАХЕТИ стали развиваться едва ли не по самому неблагоприятному, но одновременно и по самому прогнозируемому со стороны политологов и аналитиков сценарию. Вечером 5 октября 2005 года в городе Ахалкалаки произошел серьезный инцидент, в ходе которого сотрудниками грузинских силовых структур было применено огнестрельное оружие против местного армянского населения Джавахка, протестующего против действий работников налоговых служб Грузии. Свыше 300 жителей города и окрестных сел собрались перед зданием районной управы, протестуя против решения грузинских властей, закрывших несколько торговых объектов в центре Ахалкалаки. В ответ на это солдаты грузинской жандармерии попытались разогнать собравшихся, жестоко избивая их резиновыми дубинками. Жандармы также открыли огонь из автоматов в воздух. В

результате избиения пострадали несколько человек, которые были госпитализированы. Это привело к активному противодействию сотен местных жителей, и ситуация стабилизировалась лишь после прибытия губернатора края Георгия Хачидзе, вступившего в переговоры с представителями общественно-политических организаций Джавахка.

Руководители общественных организаций региона выражают уверенность, что массовое закрытие магазинов, принадлежащих армянам, и жестокий разгон мирного пикета являлись попыткой грузинских властей оказать давление на местное население после принятого Советом общественно-политических организаций Джавахка 24 сентября 2005 года обращения с призывом предоставить региону статус одного из автономных федеральных субъектов Грузии.

Со своей стороны, грузинская сторона попыталась объяснить эти события обычным «усилением контроля в регионах», а президент Грузии даже одобрил действия сотрудников полиции и жандармерии. Однако, учитывая, что за последние несколько месяцев это уже третий аналогичный инцидент в армянонаселенных районах Грузии, его уже нельзя считать обычной случайностью, и ответственность за дальнейшее возможное обострение ситуации в Джавахке целиком ложится на власти страны. Случайностью, или скорее неприятной неожиданностью, для грузинских властей стала активная реакция местного армянского населения на попытки «закручивания гаек» со стороны официального Тбилиси. Власти не рассчитывали, что безоружное население окажет активное сопротивление действиям сотрудников жандармерии, вооруженных дубинками и автоматами. Видимо, в Тбилиси опять не учли экспертные оценки по ситуации в регионе или же следует полагать, что на позицию грузинских властей воздействовал иной весьма существенный фактор.

Есть вполне определенные основания утверждать, что на решение Тбилиси таким образом отреагировать на инициативы армянских общественно-политических организаций в Джавахке ошибочное влияние имели результаты одной недавней встречи в Вашингтоне. Речь идет о том, что после обращения общественности Джавахка к властям Грузии с призывом об автономии посол Грузии в США имел в Вашингтоне предметную встречу с представителями Армянской ассамблеи Америки. Видимо, на этой встрече грузинская сторона услышала от представителей этой организации то, что надеялась услышать: ассамблея занимает умеренную позицию в вопросе предоставления автономии и попытается воздействовать на снятие политической составляющей проблемы Джавахка. Однако проблема для грузинских властей заключается в том, что в реальности они не могут рассчитывать на умиротворяющее влияние Армянской ассамблеи в этом вопросе, так как эта организация не только не имеет никаких рычагов воздействия на общественность или политические процессы в Джавахке, но и уже не рассматривается американской администрацией как серьезный политический инструмент США в нашем регионе. Нужно принять во внимание то, что Армянская ассамблея, не располагая должным влиянием в Армении ни на одном этапе становления национальной государственности, вынуждена была выглядеть большим католиком, чем папа. Хорошо известно, что руководители этой организации никогда не верили в исторический успех карабахского движения, отвергали саму возможность национально-освободительного движения армян, поддерживали антипатриотичный коррумпированный режим АОД, всегда выступали против патриотических организаций и идеалов, так и не предложив альтернативы. По существу, ее политика в Армении провалилась, но это не принято афишировать, причем провалилась закономерно и вполне ожидаемо. Представляется очень опасным участие такого рода организации в процессах, происходящих в Джавахке. Отсутствие политичности в данном случае сочетается с отсутствием принципов. Удачливый лоббизм вовсе не означает понимания политической перспективы и задач.

Естественно, можно учитывать, что Армянская ассамблея Америки – выразитель настроений определенной части (но не всей) армянской общины США и, соответственно, представляет интересы определенной части общественности и избирателей Соединенных Штатов. Ассамблея сыграла довольно значительную роль как в период арцахского национально-освободительного движения, так и в программах экономической и политической помощи Армении после обретения независимости. В 1990-х годах эта организация играла определенную роль в политических мероприятиях и контактах армянского руководства с конгрессом и администрацией США. Однако надо учесть, что на данный момент ассамблея, как бы она этого ни хотела, уже не имеет соответствующего влияния на руководство Армении и уж тем более на общественность Джавахка, чтобы играть какую-то роль в развитии политических процессов в этом регионе. Конечно, в Джавахке очень благодарны ассамблее за ее роль в формировании благоприятного общественного мнения в США относительно судьбы армянского населения Грузии, за лоббирование программ помощи от американского правительства по экономической реабилитации региона, в том числе в рамках программы «Вызовы тысячелетия». А в Тбилиси, видимо, не забывают значимость этой организации как в проталкивании участия самой Грузии в программе «Вызовы тысячелетия», так и в лоббировании иных проектов грузинского правительства в Вашингтоне (правда, уже забывают, что тогда правительство Грузии представляли

несколько иные люди). Однако все это не должно было создавать обоюдных иллюзий, что Армянская ассоциация Америки своей «умиротворяющей» позицией сможет сыграть роль ограничителя политических процессов в Джавахке, ни и у властей Грузии, ни и у руководства самой ассамблеи. Результаты этих иллюзий вызывают сильное беспокойство – в Джавахке уже слышались выстрелы.

С другой стороны, если же целью грузинского руководства было получение экспертной оценки процессов в Джавахке со стороны ассамблеи, то в этом вопросе оно вдвойне ошибалось и, естественно, вдвойне неверно прореагировало на процессы в этой части страны. Ассамблея занимается определенным консалтингом и реализацией политики администрации США в нашем регионе, имеет контакты с экспертными кругами, однако уже не в полной мере справляется со своими задачами. Недавно в приватной беседе один из представителей американского посольства в Ереване даже заявил, что в нынешних условиях ассамблея уже не соответствует задачам, которые перед ней ставит администрация США, видимо, необходимо искать новых партнеров на местах с большим привлечением местных ресурсов и методов.

Кроме этого, Тбилиси должен быть готов к тому, что его контакты с Армянской ассамблеей по нивелированию политической составляющей проблемы и попытки проигнорировать (или противодействовать административно-силовыми методами) становление гражданского общества, появление влиятельных политических организаций и дискриминация национального меньшинства в Джавахке рано или поздно приведут к неодобрению высоких патронов ассамблеи в самом Вашингтоне.

Динамика ситуации показывает, что грузинские власти больше всего опасаются усиления реально влиятельных общественно-политических сил в Джавахке, с которыми уже нельзя будет говорить языком «кнута и пряника» или же «кланового разделения», как это привыкли делать в Тбилиси. И президент Михаил Саакашвили, и губернатор Георгий Хачидзе, и другие грузинские должностные лица с завидным постоянством не перестают повторять, что общественно-политические организации Джавахка не являются серьезной силой, пользующейся поддержкой населения. Правда, вместе с тем забывают, например, что именно с этими «несерьезными силами» губернатор Самцхе-Джавахети был вынужден после инцидента 5 октября вести переговоры, и именно эти силы взяли на себя ответственность за стабилизацию обстановки и успокоение общественности региона. Еще большей и очень опасной ошибкой является иллюзия того, что эти организации не пользуются поддержкой населения и их «нейтрализация» со стороны грузинских властей приведет к «умиротворению» ситуации в регионе. Поэтому приходится констатировать, что скорее несерьезно и упрощенно воспринимается проблема самой грузинской властью, когда вполне законным и естественным инициативам Совета общественно-политических организаций Джавахка противопоставляются демагогические высказывания такого ископаемого реликта советского политического ландшафта «позднешеварнадзевского периода», как Ван Байбурт, или же выводится вооруженная автоматами жандармерия.

Вместе с тем можно надеяться, что определенные силы в грузинском руководстве довольно трезво и реально оценивают ситуацию, складывающуюся в регионе Самцхе-Джавахети. Недавно министр внутренних дел и безопасности Грузии Ван Мерабишвили заявил газете «Айкакан жаманак»: «Что касается автономии, если они под этим словом понимают самоуправление, то мы это только приветствуем». Ван Мерабишвили, который вместе с некоторыми своими ближайшими соратниками сам является выходцем из Самцхе-Джавахети, намного лучше, чем очень многие в Тбилиси, представляет реальную ситуацию в этом регионе. Поэтому если под его словами подразумевается возможность реального углубления децентрализации власти и развитие местного самоуправления в Самцхе-Джавахети, то это уже можно рассматривать как готовность властей Грузии серьезно и более предметно рассмотреть возможность решения проблем региона именно в политической плоскости, что является основной причиной эскалации конфликта. В принципе неважно, как будет называться автономия для Самцхе-Джавахети, важно реальное содержание этого статуса. В конце концов, сами грузинские эксперты в своих работах неоднократно использовали термин «асимметричный регионализм» в местном самоуправлении, в том числе применительно к армянонаселенным районам. Грузия – горная страна, и многие грузинские эксперты (например, Комиссия по местному самоуправлению при президенте Грузии) неоднократно предлагали избирательный подход к различным районам страны в формировании структур местного самоуправления.

Однако в том же интервью грузинский министр также заявил: «Если дело в политических амбициях отдельных лиц, то мы это всерьез не воспринимаем... Я не знаю и не интересуюсь группами, которые всем этим занимаются. Мы готовы выслушать людей, которые избраны народом, депутатов, избранных по мажоритарным спискам». Если под этими словами грузинского министра скрывается желание властей к возврату к методам и политике «разделяй и властвуй» времен Эдуарда

Шеварднадзе, когда путем манипулирования противоречиями между различными политическими группировками Тбилиси пытался сдерживать ситуацию в регионе, то это приведет лишь к противоположным результатам, так как общественно-политическая ситуация в Джавахке коренным образом изменилась. Властные структуры Грузии могут поддаться искушению отреагировать на процессы в Джавахке самым легким, но одновременно самым опасным способом – так, как пытались делать до сих пор. И в этом им могут помочь те силы или организации, которые ошибочно предполагают, что «умиротворение» или игнорирование существующих политических проблем в Джавахке и есть выход из ситуации. Однако единственно правильным, хотя и трудным решением для грузинских властей будет готовность пойти на либерализацию своего отношения к армянскому населению региона, что будет рассматриваться как попытка пойти навстречу процессам строительства гражданского общества, децентрализации самоуправления и защите прав человека и национальных меньшинств в Грузии.

Октябрь 2005 года

Курдистан

Виген Акопян, Мамед Сулейманов.

Итоги выборов в Ираке: Курдистан и новый региональный расклад

СИТУАЦИЮ, в которой оказались оккупационные силы США в Ираке, можно обрисовать известной армянской пословицей: «одна задача – сесть на осла, вторая – с него же слезть». Прошедшие в Ираке парламентские выборы рассматривались международным сообществом в первую очередь как прелюдия к выводу сил коалиции из этой страны, а во вторую – как мина замедленного действия для американо-турецко-израильского союза. Причем итоги выборов свидетельствуют о том, что если

решение США покинуть Ирак непосредственно до выборов могло бы спасти отношения с Турцией, то сегодня такой шаг может стать детонатором.

Возглавляемый нынешним премьером Ирака Ийядом Аллауи блок «Иракский список», с которым администрация Джорджа Буша связывала основные надежды, по итогам выборов оказался лишь на четвертой позиции, уступив религиозному блоку «Объединенный иракский альянс» во главе с духовным лидером шиитов аятоллой Али Систани, получившим 132 из 275 мест в Национальной ассамблее, и коалиции курдских партий, в который вошли Патриотический союз Курдистана во главе с Джалялом Талабани и Демократическая партия Курдистана во главе с Масудом Барзани. Курдский альянс таким образом получил 25,4%, или 69 мест, в иракском парламенте.

«Светский» блок «Иракский список» набрал в общей сложности 13,6% голосов избирателей, и в новом парламенте у него будет 37 мест. В очевидном проигрыше оказался суннитский блок во главе с президентом Ирака Гази аль-Яваром. Таким образом, большинство мест в учредительном собрании Ирака достанется шиитам и курдам. Новому иракскому парламенту предстоит избрать президента и двух его заместителей, которые затем утвердят кандидатуру премьер-министра и сформируют правительство. Новый кабинет министров Ирака обещает стать шиитско-курдским. Аналитики склоняются к мнению, что шииты и курды инициируют коалицию, которая и займется фактическим переделом Ирака. Курды получают шанс воплотить свою заветную мечту – обособиться на севере Ирака и сконцентрировать здесь ресурсы 30-миллионного курдского народа, в том числе диаспор Турции, Ирана, Сирии и стран Южного Кавказа, а шииты, взявшие долгожданный реванш, – установить исламское государство, проповедующее законы шариата, на юге и в центральных районах страны.

Очевидно, покидать Ирак в такой ситуации американцам будет сложнее, чем до выборов, поскольку, несмотря на оккупационную сущность своего пребывания, они являются единственной силой, более или менее сдерживающей эскалацию развала этой страны на как минимум две, а с учетом суннитского фактора и на три составные части. Такой сценарий грозит как минимум вторжением Турции в северные части Ирака и турецко-курдской войной с необратимым усугублением хаоса в региональном масштабе.

В целом положительно о выборах в Ираке отзывается заведующий турецким отделом Института востоковедения НАН Армении профессор Рубен Сафрастян. По его словам, выборы заслуживают положительной оценки даже с учетом того, что проходили в условиях эскалации насилия, а их итоги из-за бойкота суннитов не отражают реальной этноконфессиональной ситуации в этой стране. «Главное, что вопреки прогнозам многих скептиков их вообще удалось провести. Думаю, тем самым создана определенная база для возвращения Ирака в нормальное русло», – считает Сафрастян. Касаясь вопроса о возможности развала Ирака и образования государства Курдистан, он отметил, что это во многом зависит от США. «Насколько можно судить по действиям и заявлениям самих американцев, они пока на самом деле выступают за сохранение территориальной целостности Ирака. Однако нельзя исключить, что в будущем их подходы изменятся. В этом случае возникновение государства Курдистан на части территории современного Ирака станет вполне реальным», – подчеркнул он.

В свою очередь известный азербайджанский политолог Зурдушт Ализаде считает, что если США все-таки пойдут на создание курдского государства на территории Ирака, то это в корне изменит ситуацию не только в регионе, но и в мире в целом. «Это, во-первых, пересмотр международных законов силой одного государства. Во-вторых, против Курдистана образуется неофициальный, но эффективный блок – Сирия, Турция, Иран и оставшийся Ирак», – отметил в интервью ИА REGNUM азербайджанский политолог. В то же время Ализаде уверен, что «независимый Курдистан – изгой мусульманского мира и сателлит Запада – будет не в состоянии дестабилизировать Турцию, Иран и Сирию». По его словам, каждое из этих государств имеет весьма успешный опыт «как подавления курдского сепаратизма, так и интеграции с курдами». Курдская карта не сможет сильно повлиять и на Южный Кавказ, где действуют более мощные и весомые факторы, уверен политолог.

Фактическое самоопределение Курдистана категорически противоречит интересам Турции. Премьер-министр этой страны Реджеп Тайип Эрдоган выступил с резким осуждением американской политики, заявив, что США до сих пор не дали внятного ответа на вопросы, вызывающие у Анкары острое недовольство. В числе возможных шагов турецкой стороны премьер отметил возможность вмешательства в ситуацию на севере Ирака. Вместе с тем Турция лихорадочно готовится к возможному «побегу» США из Ирака. Правительство Эрдогана в последний период заметно активизировало связи с исламским миром и Россией, плохо скрывая отчаянное желание вырваться из фактически кабального союза с США, который сделал саму Турцию изгоем в мусульманском мире. Некоторые аналитики склонны считать, что стремление Турции в Европейский союз также преследует цель минимизировать зависимость от США. Анкара прилагает заметные усилия по сближению позиций и с Ираном, видимо, учитывая тот факт, что победивший на выборах в Ираке уроженец Ирана аятолла Али Систани может сделать иранский фактор в Ираке еще более весомым. Добавим к тому,

что затея Буша в Ираке, и особенно результаты этой затеи, оказались как-никак на руку Ирану – шиитскому государству, которое после выборов в некогда враждебном «саддамовском» Ираке сегодня не имеет с этой страной практически никаких проблем. Видимо поэтому американские источники упорно твердят, что пока рядом есть Иран, успеха американцам в Ираке не видать.

Пока США решают дилемму – как слезть с «иракского осла», государства региона и страны-игроки анализируют новые реалии. Турция осознает, что противостоять курдскому фактору, получившему неожиданную поддержку своих некогда союзников США и Израиля, она в состоянии лишь в сотрудничестве с Ираном и Сирией, которым также невыгодно появление независимого Курдистана. Правда, сами Иран и Сирия самоопределение курдов и, как следствие, конфликт между Турцией и США могут расценивать как важную тактическую победу над Вашингтоном. Серьезные коррективы необходимо вносить в свою политику и Израилю.

Чем сложнее положение американцев в Ираке, тем свободнее действует в этом регионе Москва. Россия становится альтернативным союзником для целого ряда мусульманских стран, противников американской экспансии в регионе так называемого Большого Ближнего Востока. Зарождающийся альянс России, Турции, Сирии и Ирана можно считать если не последствием, то логическим итогом иракской кампании США. Вместе с тем Россия сможет получить широкое поле для маневрирования, если наладит взаимовыгодные контакты с курдскими лидерами Ирака. Однако следует учитывать всю неоднозначность курдского фактора в исламском мире, а также то, что сами курды прекрасно осознают, каким силам они обязаны. Между курдами и турками существует ряд крайне острых проблем, в том числе и судьба курдского лидера Абдуллы Оджалана, приговоренного турецкими властями к пожизненному заключению. Любой «перебор» в отношениях с курдами способен снизить результативность российско-турецкого диалога и сотрудничества с Сирией. Что касается позиции самих курдов, то ее озвучил в интервью ИА REGNUM представитель Конгресса свободы и демократии Курдистана Дениз Баран. По его словам, «курды выступают за коренные изменения на всем пространстве Среднего Востока». Именно эту задачу и решают сегодня США. Касаясь отношения курдов к американскому фактору, Баран заявил следующее: «У нас нет эксклюзивных отношений с каким-либо отдельным государством – мы отдаем предпочтение тем, кто инициирует в регионе демократические процессы. Курдский народ отличает тяга к свободе, а посему мы и встанем рядом с такой силой». Действительно, курды, старающиеся обрести государственность всеми доступными средствами, сегодня встали рядом с силой, которая всеми доступными средствами прививает «демократию» в богатых нефтью странах, а по сути коренным образом меняет геополитическую картину на Среднем Востоке. Проще говоря, курдам, по всей видимости, удалось поймать рыбку в воде, которую взбаламутили Вашингтон и его союзники.

Как рассказал в интервью корреспонденту ИА REGNUM член-корреспондент Всемирного клуба системологов Бахадур Таирбеков, «имеющий многовековую историю, самобытную и высокоразвитую культуру курдский народ, состоящий из множества тесно связанных и взаимодействующих племен, издревле населял территорию большую, чем та, что уготована ему американскими оккупантами. Курды жили не только на севере Ирака, но и на территориях, ныне находящихся под юрисдикцией близлежащих государств. В частности, будучи кочевым скотоводческим народом, они заполняли естественный пространственный вакуум между городами, крупными и средними по числу жителей селами гористой восточной (не малоазийской) части Турции, запада Ирана, юго-запада Азербайджана, востока и юга Армении. Курды и сегодня, по большей части, населяют эти районы». Однако политолог считает, что «создание курдского государства на севере Ирака всем прогрессивным человечеством должно рассматриваться как создание правительством США еще одной резервации, на этот раз для курдов. Это неизбежно приведет к уничтожению еще одной самобытной культуры, потере курдами своего менталитета. Администрация Буша, разыгрывая эту карту, вовсе не заботилась о справедливости, для нее курды – это только человеческий материал, годный для строительства еще одного очага напряжения в регионе. Разве справедливо посадить свободного сокола в государственную клетку?» – спрашивает азербайджанский политолог.

Тем не менее курды воспринимают саму идею о возможности основания собственного независимого государства с крайним воодушевлением. Еще один не требующий доказательства тезис – разрушительная сущность курдского фактора для американо-турецких отношений еще и в силу наличия армянского вопроса. Если Турции не удастся предотвратить откол Курдистана от Ирака путем внесения срочных корректив в свою внешнюю политику, то она, бесспорно, применит силу и, как это уже практиковалось в отношении армян в начале XX века, просто попытается коренным образом изменить демографическую картину на севере Ирака. США, осознавая, что турецкое вторжение в Ирак станет коллапсом их региональной миссии, будут всячески препятствовать этому. Вашингтон может, в частности, разыграть и армянскую карту – признав первый геноцид XX века. Помимо этого фактический референдум о самоопределении Курдистана, состоявшийся при «попустительстве» США,

представляет для Армении важнейший прецедент самоопределения народа, который можно в выгодной для себя форме проецировать на процесс самоопределения народа Нагорного Карабаха. С еще более примитивной точки зрения рядовой армянин может радоваться за курдов настолько, насколько их успехи нервируют соседний турецкий народ. Говорить же о целесообразности налаживания чуть ли не стратегического союза между армянами и курдами так же поспешно, как и между курдами и россиянами. Опять же, слишком многими противоречиями регионального масштаба грозит возникновение нового автономного или независимого субъекта – государства Курдистан.

Так чем же все-таки может обернуться для государств Южного Кавказа возникновение такого государства и насколько целесообразно уже сегодня поддерживать контакты с курдскими лидерами?

Армянские специалисты довольно осторожно комментируют позитивные и негативные последствия откола Курдистана. Вместе с тем, по мнению профессора Рубена Сафрастяна, контакты с влиятельными курдскими лидерами Ирака полезны для любого государства, заинтересованного в стабильности в Ираке и регионе в целом.

В свою очередь Бахадур Таирбеков прямо заявляет, что «азербайджанскому народу никак не может быть выгодно создание курдского государства по той причине, что жители городов севера Ирака (Мосул, Сулейманийе и других) в основном азербайджанцы. Жить в курдском государстве под диктатом США – эта перспектива даже хуже, чем жизнь при режиме Саддама Хусейна», – подчеркивает политолог.

«При притеснениях нынешнего городского населения кочевниками, а это в данном случае произойдет обязательно, неизбежны межэтнические конфликты. В конфликты непременно будут втянуты Иран, половина населения которого этнические азербайджанцы, и Турция с населением, этнически однородным азербайджанскому. Кроме того, в приграничных с Ираком районах Ирана и Турции кочуют курдские племена, по численности примерно равные некурдскому населению севера Ирака. Следовательно, масштаб межэтнического конфликта будет расширяться. Эскалация конфликта в конечном счете грозит огромной гуманитарной катастрофой, которая охватит весь регион. Если такое случится, то только число беженцев из Ирака, Турции и Ирана будет в несколько раз превышать общее число беженцев в результате всех вместе взятых постсоветских конфликтов на Кавказе», – прогнозирует Таирбеков.

По его мнению, «населению Армении невыгодно создание курдского государства на севере Ирака примерно по тем же причинам, что и азербайджанскому народу». «В азербайджанских городах на севере Ирака, как и в других азербайджанских городах, не тронутых неразборчивой метлой новейшей истории, по сложившейся веками традиции 3–7% населения составляют армяне. Они скорее всего и будут служить детонатором взрывоопасной напряженности в Северном Ираке в случае создания там курдского государства. Однако правительству Республики Армении, в котором доминирующие посты занимают бывшие члены азербайджанской комсомольской организации, региональный хаос может быть очень даже выгоден. Это, несомненно, даст возможность поставить новые акценты в региональной политике и, возможно, оттянуть решение карабахского вопроса», – отмечает азербайджанский политолог.

По словам Таирбекова, в таком ракурсе создание курдского государства, казалось бы, должно быть невыгодно правительству Азербайджанской Республики, но и это лишь на первый взгляд. «Здесь высший эшелон власти практически полностью состоит из чуждого азербайджанскому народу этнически замкнутого клана политических временщиков, которых государство интересует только в той степени, в какой приносит им прибыль в каждый конкретный период. Поэтому экономическая взаимозависимость поставок мосульской и каспийской нефти, а после ввода в действие нефтепровода Баку – Джейхан они будут поставляться практически в один и тот же район Средиземного моря, сыграет для правительства Азербайджана большую роль, чем какие бы то ни было интересы государства. Мало того, в зависимости от сиюминутной выгоды позиция клана будет меняться в широком диапазоне, из-за дележа власти возможен даже раскол между членами клана.

Пока беспредельно криминализированная Грузия пытается решить свои проблемы, ей не до Ирака. Этого не скажешь о России. Любое, и прежде всего экономическое, ослабление Ирана – одного из важнейших ее партнеров в регионе, а также Турции – потенциально главного ее регионального партнера России крайне невыгодно, даже если не принимать во внимание неприятное усиление в этом регионе позиций США», – считает азербайджанский политолог.

Февраль 2005 года

Юрий Набиев.
Россия и курды

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ курды являются по численности четвертым или даже третьим этносом на Ближнем Востоке. Общее их число, по приблизительным подсчетам, достигает 40 миллионов (точной статистики не существует, прежде всего неясна реальная численность курдов в государстве, где живет основная их масса – в Турции). Территория этнического расселения курдов, Курдистан, достигает по площади 500 тыс. квадратных километров, там сосредоточены кроме значительного количества других природных богатств богатейшие запасы нефти, а также берут истоки все основные реки, питающие Ближний Восток, что в условиях обостряющейся нехватки воды играет для региона не меньшую роль, чем нефть. Кроме того, Курдистан находится на перекрестке путей из Европы в быстро развивающиеся страны Юго-Восточной Азии и к Персидскому заливу.

Как известно, курды – самый многочисленный этнос в мире, не имеющий собственной государственности.

В настоящее время территория Курдистана разделена между Ираком, Ираном, Турцией и Сирией. Политических, этнических, даже культурных прав за курдами эти страны не признавали (если вынести за скобки постсаддамовский Ирак, о чем ниже). Это, в свою очередь, тормозило процесс национальной консолидации и роста национального самосознания среди курдов, а с другой стороны, придавало этому процессу подчас экстремистские черты. На это накладывались также проблемы социально-экономического характера, так как соответствующие государства стремились как можно менее развивать этнически «чужие» территории. Тем не менее в курдской среде на протяжении всего XX века продолжался процесс формирования и подъема национального самосознания, принявший особенно бурный характер в последние годы.

Отвлекаясь от оценок морального, правового и подобных планов, мы сформулируем положения, которые считаем аксиоматическими и исходя из которых строим дальнейший обзор:

- курдский вопрос существует;
- курдский вопрос носит объективный характер, не зависящий от воли и намерений каких-либо групп или отдельных личностей;
- процессы в Курдистане и вокруг него развиваются исходя из определенной внутренней логики и собственных законов;
- эти процессы затрагивают все политические субъекты, как-либо связанные с Ближним Востоком; из них наибольший выигрыш получает тот, кто сможет наиболее адекватно отреагировать на вызов курдского вопроса.

Следовательно, с точки зрения интересов России задача состоит в том, чтобы найти правильную стратегию в сложившейся обстановке и заставить эти процессы работать «на себя».

Россия и курды Ирака

Как известно, в 1990-х годах в геополитическом раскладе на Ближнем Востоке произошли кардинальные изменения. Россия сохранила лишь остатки от тех сильных позиций, которые имел Советский Союз (и то исключительно в экономической области); преобладание США стало абсолютным; сильнейшее в военном отношении государство региона – Ирак – было разгромлено, разоружено и обложено санкциями, тогда как на севере этого государства под защитой США и Великобритании появился фактически независимый курдский анклав – так называемый свободный Курдистан.

Как реагировала на эти изменения российская элита? Разумеется, реакция была чрезвычайно болезненной. Однако новой стратегии поведения в изменившихся условиях так и не было предложено. Попытки сформулировать какие-то принципы в ближневосточной политике не увенчались успехом. То, что было придумано, оказывалось чисто инерционным, исходило из старых, советского периода представлений и комплексов: о России как о сверхдержаве, призванной во всем и везде соперничать с США, и об арабских режимах как о естественных союзниках России в этом соперничестве. Новомодные ссылки на «экономические интересы» при ближайшем рассмотрении оказывались опять-таки отражением стремления ВПК и нефтяного комплекса сохранить старые связи со старыми режимами. Взятая в целом эта линия скорее являлась отражением ностальгии по «золотым семидесятым», чем политикой, устремленной в будущее.

Неудивительно поэтому, что типовой реакцией на всякое политическое изменение на Ближнем Востоке являлись жалобы на нарушение «стабильности» и призывы к сохранению оной. Естественно, что курдам при таком подходе места вообще не оставалось. Со своей точки зрения, весьма логично, что российская дипломатия не признавала «зоны безопасности» в Курдистане и требовала ее отмены. Фактически это требование обрекало 3,5 миллиона жителей на геноцид, а регион – на гуманитарную катастрофу, аналогичную той, что произошла весной – летом 1991 года. Это, строго говоря, не было ни

в чьих интересах, в том числе и не в интересах России. Но специалисты и эксперты по Ближнему Востоку были слишком зачарованы мечтой о восстановлении status quo времен их молодости, который они отождествляли, с одной стороны, со «стабильностью», а с другой – с интересами России.

Разумеется, что одним из ключевых требований «стабильности» казалось им восстановление режима Саддама Хусейна в его прежней силе. Выражаясь образно, они надеялись задвинуть зубную пасту обратно в тюбик. Здесь следует особо отметить также и факт чрезвычайной коррумпированности российской политики. Выплывшие на свет документы могут детально показать, сколько, кому и за что было «дано» Саддамом; но, в сущности, это непринципиально и малоинтересно, так как изначально, априори было очевидным: Саддам денег не жалел, и все, кто имел с ним дело, получали хороший «навар». Все это имело бы чисто уголовный интерес, если бы не тот факт, что люди, таким образом «повязанные» со свергнутым режимом, в настоящее время остаются на своих постах, продолжают определять политику и, следовательно, силой вещей должны доказывать *urbi et orbi* правильность и принципиальность своей прежней позиции. Разумеется, что от них менее всего можно ожидать каких-то попыток пересмотра прежних установок. Весьма возможно, что с этим соединяется также надежда на возвращение «золотых времен» благодаря новому приходу к власти в Багдаде арабских националистов (который, в их представлении, неизбежно последует за уходом США). В данном случае опять-таки проявляется неадекватность этой «политической школы», не понимающей, что времена классического, социалистически ориентированного арабского национализма давно прошли и что в случае ухода США в Ираке возобладают силы, несущие угрозу прежде всего России.

В конце 1990-х годов в Москве появились представители иракских курдов – сначала Патриотического союза Курдистана, затем Демократической партии Курдистана. Однако российские власти не проявляли особого интереса к контактам с ними, а в ходе самих переговоров чиновники ограничивались советами «сидеть тихо и не проявлять активности», чтобы опять-таки не нарушать «стабильность». Разумеется, «стабильность», то есть status quo 1970-х годов, в любом случае не могла существовать до бесконечности и тем или иным образом должна была быть нарушена.

Известно, каким именно конкретным образом она была нарушена в 2003 году. В ходе событий, связанных с непосредственной подготовкой и осуществлением американской операции против Ирака, российский МИД, к сожалению, вновь ярко проявил вышеупомянутые недостатки: неспособность реально оценить ситуацию и играть на опережение, неспособность воспринять новые реалии и считаться с ними. Лишь тогда, когда и победа американцев, и прочное положение курдов в новом Ираке стали несомненным фактом, в Москве стал проявляться интерес к иракскому Курдистану. К сожалению, при этом до сих пор не произошло некоего концептуального прорыва, то есть не была сформулирована и определена новая политика по отношению к курдскому вопросу вообще и иракскому Курдистану в частности.

Иные московские чиновники, по-видимому, до сих пор уверены, что курдские представители должны быть счастливы от одного того, что их приглашают в высокие кабинеты. Между тем за политические и экономические позиции в иракском Курдистане России следует бороться, и борьба эта отнюдь не обещает быть легкой. В активе у России – наличие в Курдистане большого количества людей, обучавшихся в СССР и так или иначе связанных с Россией; производств, построенных советскими специалистами, и так далее. В пассиве – груз политики последних десятилетий, которая воспринималась как однозначно антикурдская. Этот последний факт смотрится особенно проигрышно для России при сопоставлении с политикой стран Запада.

В принципе курды отлично знают, что и Запад, и Россия в равной степени использовали их для достижения собственной цели; в Курдистане помнят и Алжирский договор 1975 года, приведший к разгрому Барзани и однозначно воспринятый как предательство со стороны США; и американскую поддержку Ирака в годы геноцида курдов (1987–1988); и, наконец, поведение Джорджа Буша-старшего весной 1991 года, также воспринятое как предательство. Однако с осени того же года США и Великобритания выступали в роли защитников и покровителей иракских курдов; все, что имеют курды в настоящее время, они имеют прежде всего благодаря американцам. Таким образом, курды имеют основания считать, что американцы загладили перед ними свои прежние провинности. Что же касается России, то у иракских курдов есть в отношении ее определенный моральный счет, который до сих пор не погашен. С экономической точки зрения курдам также нет какой-то жизненной необходимости в связях с Россией, так как они в любом случае могут найти инвесторов на Западе. Не осознав этого, Россия не сможет ничего противопоставить тому политическому, моральному и экономическому преимуществу, которое имеют в настоящее время страны Запада в иракском Курдистане.

В отношениях между Россией и иракским Курдистаном тормозящую роль играет и определенный психологический фактор, заключающийся в следующем. Как известно, успех переговоров обычно зависит от способности сторон понять друг друга, то есть взглянуть на ситуацию глазами партнера. В случаях когда представители одного государства ведут переговоры с

представителями другого, это достигается легко: с обеих сторон фигурируют принципиально аналогичные государственные интересы. Совершенно иной является ситуация, когда государственный чиновник имеет дело с неким национальным движением, которое к тому же воспринимается как сепаратистское (то есть враждебное государственной целостности по своей природе). Между тем курды вообще и иракские курды в частности (несмотря на существующие у них государственные институты) воспринимаются именно в таком ключе. Отсюда вытекает роковой недостаток: невозможность понять партнера и признать его равным себе в смысле прав и интересов. При переговорах с курдами российская сторона должна прежде всего исходить из представления, что ей противостоят не какие-то групповые притязания и амбиции, а сфера национальных интересов, подобных национальным интересам самой России. Само по себе признание факта наличия этих интересов (от интересов безопасности до престижных включительно) есть *conditio sine qua non*, непеременимое условие, вне которого переговоры изначально теряют смысл. К сожалению, многие даже непредубежденные в отношении курдов чиновники по-прежнему видят в них скорее предмет манипуляций со стороны «настоящих» политиков, чем самостоятельный политический субъект, и надеются вести дело с помощью ни к чему не обязывающих полуобещаний.

Российская Федерация и «Большой Курдистан»

Если иракский Курдистан по крайней мере начал восприниматься как политический субъект и объективно существующая данность, то с осознанием в российской политике курдского вопроса во всей его целостности дело обстоит гораздо хуже. Кроме уже упомянутой инерции политического мышления тому есть еще ряд конкретных причин. Прежде всего практически не существует научных кадров, которые бы в достаточной мере располагали информацией и знаниями и могли на высоком научном уровне проанализировать нынешнюю ситуацию или хотя бы подготовить по ней сколько-нибудь толковую справку. В настоящее время нет ничего близкого той живой и активной курдоведческой школе, которая существовала в первой половине XX века; несколько курдоведов, в основном людей очень почтенного возраста, заняты либо историей, либо этнографией и практически не имеют «оперативной информации» о происходящем в Курдистане. Со своей стороны, специалисты – арабисты, иранисты и тюркологи, пользующиеся информацией из некурдских источников, когда касаются курдского вопроса, в большинстве своем воспринимают его под углом зрения соответствующих народов. Это же относится и непосредственно к специалистам МИДа, где есть отдел Турции, отдел Сирии, Ирана и Ирака, но нет какой-либо группы, которая бы специально изучала вопросы, связанные с курдами. Все это, разумеется, не может способствовать адекватному восприятию курдского движения и курдской проблемы. Между тем последние события показывают резкий рост национального и политического самосознания среди курдов всех частей Курдистана, что превращает курдское движение в важнейший политический фактор на Ближнем Востоке. Все это накладывается на заинтересованность США в изменении сложившегося *status quo*, в чем, безусловно, они будут опираться на курдов.

В такой ситуации России следует найти способ, каким можно было бы использовать курдское движение в свою пользу. Прежняя политика, построенная исключительно на защитных реакциях, призывах к сохранению *status quo* и игнорировании неприятных реалий, при этом оказывается не просто безуспешной, но контрпродуктивной. Вообще, если говорить о «стабильности» на Ближнем Востоке всерьез, а не в том смысле, в каком употребляют это слово политики «школы Евгения Примакова», то прежде всего следует отметить, что прежняя система, слом которой провозгласили своей целью американцы, обеспечивала ее менее всего. Восстание Барзани, ирано-иракская война, сопровождавшаяся геноцидом курдов, кувейтская авантюра Саддама – таковы основные этапы этой «стабильной» системы; сюда же следует прибавить попытки Саддама и иранских аятолл создать ядерное оружие. Система эта сама по себе могла существовать только в ситуации холодной войны и блокового противостояния, позволявшей ближневосточным режимам держаться у власти за счет лавирования между сверхдержавами. С окончанием холодной войны она стала рушиться сама собой. Эта система не была способна разрешить ни одной социальной или национальной проблемы, но в лучшем случае лишь загоняла их внутрь, тем самым усиливая их потенциальную взрывоопасность. В полной мере сказанное относится и к курдской проблеме. Таким образом, выступления в пользу *status quo* объективно являются выступлениями не за, а против установления стабильности в регионе.

Как ни относиться к американским планам реорганизации Ближнего Востока – факт состоит в том, что регион объективно нуждается в коренных преобразованиях, благодаря которым, в частности, в нем могла бы установиться реальная стабильность, хотя бы относительная. Вопрос, следовательно, стоит о роли и месте России в этих процессах и о тех выгодах, которые она способна получить от

участия в них. Поддержка хотя бы самых основных общедемократических прав курдов в этом отношении явилась бы хорошим заданием на будущее. И в первую очередь следует отказаться от внушаемого мистического ужаса перед курдским вопросом. Курдский вопрос – действительно мина под всем регионом; но мину следует разрядить, иначе она рано или поздно взорвется. Очевидно, что разрядить мину невозможно, не удовлетворив по крайней мере основных первоочередных требований курдов. Все это, безусловно, связано с определенными политическими изменениями – но тем более необходимо, чтобы эти изменения происходили по возможности мирно и предсказуемо, под международным контролем.

Следует также отметить, что курдское национальное самосознание в настоящее время претерпело качественное изменение, преодолев некую критическую точку. Вообще, если бросить общий взгляд на развитие курдского национализма, то можно отметить следующие этапы и тенденции.

В начале XX века это были сепаратистские выступления отдельных племен, во многом еще вполне средневековые по своему характеру. В середине XX века курды уже создали национально-освободительное движение в собственном смысле слова, имевшее идеологию, программу, поднимавшее локальные восстания и производившее попытки создания собственной государственности. В конце XX века курды смогли создать собственные государственные структуры в Ираке и приобрести таким образом опыт реальной государственности. В настоящий момент, когда эти структуры упрочились и были легализованы, а курдское сообщество оказалось тесно связанным между собой благодаря новейшим информационным и коммуникационным системам (Интернет, спутниковая телевизионная и телефонная связь), курды окончательно осознали себя единой нацией и как бы гражданами незримо существующего 40-миллионного государства. События в Сирии в марте 2004 года являются тому ярким доказательством. При этом каждый новый успех национального дела вызывает живейший отклик во всей курдской среде; таким образом, процессы идут по принципу цепной реакции, развиваясь и ширясь. В такой ситуации мечтать о сохранении status quo по крайней мере наивно.

Быть может, более продуктивным был бы обратный подход: гипотетически представить себе, что события пошли по крайнему сценарию (то есть что у границ России возник пресловутый «Большой Курдистан») и продумать, какие выгоды могла бы получить Россия в случае подобного развития событий.

Как известно, курдский национализм носит безусловно светский, почти атеистический характер; таким образом гипотетический «Большой Курдистан» окажется барьером на пути двух идеологий разом, опасных для целостности и будущего России: пантюркизма и исламизма. Улучшит или ухудшит его возникновение военно-стратегическое положение России? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. В настоящее время иракский и турецкий Курдистан (но не иранский и не сирийский) являются фактически плацдармами для НАТО и США. В обозримом будущем эта ситуация сохранится в любом случае. Однако Россия может получить некие дивиденды за поддержку курдов в момент, когда им такая поддержка окажется особенно необходима. Причем при известном развитии событий такую «плату» можно будет потребовать не только с самих курдов, но и с США. Дело в том, что в условиях подъема курдского движения в Турции американцы вполне могут решить, что для удержания контроля над турецким Курдистаном его следует отделить от Турции. В любом случае, если бы удалось мирным и бескровным путем создать «Большой Курдистан» – это можно было бы считать исторической удачей, так как ликвидировало бы один из самых болезненных и взрывоопасных вопросов. Разумеется, в реальности разрешение курдского вопроса возможно вовсе не обязательно таким «традиционным» способом, как создание суверенного национального государства. Возможны и другие, так сказать, компромиссные формулы. Однако совершенно несомненно, что тем или иным путем, в той или иной форме, 40 миллионов курдов добьются своего национального самоопределения. Важно, чтобы Россия не пропустила этот процесс. В настоящий момент «курдский фактор» работает исключительно на США; следует заставить его работать также и на Россию.

Выводы и рекомендации

Итак, мы предлагаем изначально исходить из того постулата, что идея поддержания status quo как знамя и принцип всей ближневосточной политики контрпродуктивна; что изменения на Ближнем Востоке назрели объективно и в настоящее время будут происходить во все более ускоряющемся темпе; что для того, чтобы не оказаться на обочине этих изменений, России следует обратить серьезнейшее внимание на курдский фактор и воспринимать его уже не как досадную помеху и предмет для манипуляций, а как важнейший, может быть даже ключевой, компонент происходящих изменений. Для этого в первую очередь следует восстановить авторитет и престиж России среди

курдов, сильно подорванный в результате близорукой политики последних десятилетий, и прежде всего наладить теснейшие отношения с иракским Курдистаном:

- признать (не обязательно публично) ошибки, допущенные в отношении иракских курдов (поддержка Саддама, протесты против зоны безопасности и так далее);
- официально признать справедливость национальных требований курдов;
- открыть российское консульство в Эрбиле;
- поддерживать права курдов в ООН и других международных организациях;
- развивать сотрудничество между иракским Курдистаном и отдельными субъектами Федерации России (напр. Москвой, Татарстаном, Башкортостаном и так далее);
- развивать межпартийные связи между российскими и курдскими политическими организациями;
- создать в Думе группу друзей курдского народа;
- создать в МИДе группу по курдскому вопросу для мониторинга и анализа информации;
- усилить курдоведение (финансирование курдоведческих структур, подготовку новых кадров);
- развивать студенческий, научный и культурный обмен;
- активней подключать российских курдов к работе по укреплению и расширению связей с курдами на Ближнем Востоке.

Апрель 2005 года

Мамед Аракелов.

Дежавю: третья попытка Закавказской федерации

ИДЕЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ трех закавказских республик – Азербайджана, Армении и Грузии в единое конфедеративное или федеративное государство, то есть создания некой наднациональной структуры как одного из способов разрешения региональных конфликтов в Закавказье, витает в воздухе уже давно и имеет как своих сторонников, так и противников. И хотя о проработке этой идеи никаких официальных сообщений нет, тем не менее некоторые события позволяют считать, что определенные работы в этом направлении ведутся. Наиболее отчетливо подобный вариант урегулирования конфликтов просматривается в инициативе неправительственной британской организации LINKS по созданию Южнокавказской парламентской инициативы, основной задачей которой сегодня является широкое обсуждение вопросов интеграции стран Южного Кавказа в структуры Европы. Вместе с тем LINKS этим не ограничивается и активно лоббирует дальнейшее преобразование этой инициативы в Южнокавказскую парламентскую ассамблею. Нельзя не обратить внимания и на заявления о «едином Южном Кавказе», делавшиеся время от времени руководителями Грузии (как бывшего, Эдуарда Шеварднадзе, так и нынешнего, Михаила Саакашвили), со всей очевидностью стремящихся взять на себя функцию локомотива, а следовательно и лидера интеграционных и демократических процессов в Закавказье. Какими функциями будет наделена парламентская ассамблея в случае ее образования, могут ли за этим последовать более глубокие интеграционные процессы, какие есть для этого предпосылки и к чему они могут привести? Чтобы ответить на эти вопросы, имеет смысл рассмотреть две предыдущие, неудачные попытки создания единого закавказского государственного образования.

Попытка первая

После победы Февральской революции 1917 года в России наместничество на Кавказе прекратило свое существование. Российское Временное правительство передало управление Закавказьем краевому органу власти – Особому закавказскому комитету, который был сформирован по национальному и партийному принципам. Председателем был назначен представитель российской Конституционно-демократической партии (кадетов) Харламов. Свою практическую деятельность в Тифлисе Особый закавказский комитет начал 9 марта 1917 года, а 28 ноября этого же года был преобразован в Закавказский комиссариат, председателем которого стал Евгений Гегечкори. Созданием Закавказского комиссариата Закавказье официально отмежеввалось от Советской России, и министерство финансов комиссариата принимает решение печатать новые денежные купюры, бонны, которые вошли в оборот с февраля 1918 года. Надписи на бонах делались на русском, армянском, грузинском и азербайджанском языках, а на лицевой стороне банкнот были размещены подписи председателя Закавказского комиссариата Евгения Гегечкори и комиссара финансов Хорена Карчикяна. 12 января 1918 года Закавказский комиссариат, обсудив вопрос о политическом положении Закавказья, принял решение о созыве Закавказского сейма, который выполнял бы функции

законодательного органа – парламента. 23 февраля 1918 года был созван Закавказский сейм, в состав которого вошли депутаты, избранные от Закавказья во Всероссийское учредительное собрание. Из 125 депутатов сейма, приступившего к работе 10 февраля 1918 года, 32 были социал-демократами – меньшевиками, 30 – мусаватистами и 27 – дашнаками, остальные – членами других партий и беспартийными. 22 апреля 1918 года сейм провозгласил Закавказскую Демократическую Федеративную Республику. Председателем сейма был избран Николоз Чхеидзе, а председателем правительства независимой республики и министром иностранных дел был назначен Акакий Чхенкели. Флагом федерации некоторые историки считают желто-черно-красный горизонтальный триколор, но сколь-нибудь серьезных доказательств этому не существует.

В апреле 1918 года Турция начала военные действия против федерации. Военно-политическая обстановка накалилась до предела, и 11 мая 1918 года в Батуми возобновились мирные переговоры между Закавказьем и Турцией. Закавказскую делегацию возглавлял Акакий Чхенкели, а миссию посредника выполняла делегация Германии во главе с генералом Отто Фон Лоссовым. В ходе конференции выявилась бесперспективность существования закавказского союзного государства, поскольку грузины, азербайджанцы и армяне придерживались различных политических ориентаций: грузины избрали прогерманскую ориентацию, армяне – проанглийскую, а азербайджанцы – протурецкую. Переговоры в Батуми между Турцией и Закавказьем теряли смысл, и Германия предложила Грузии защиту при условии распада Закавказской Федеративной Республики и обращения Грузии за помощью к Германии. Лишь в этом случае Германия брала на себя защиту Грузии от турецкой агрессии. 26 мая 1918 года Закавказский сейм констатировал прекращение существования Закавказской Демократической Федеративной Республики, и Азербайджан, Армения и Грузия объявили себя независимыми.

Такова хроника возникновения и распада первого единого независимого закавказского государства. Что стало причиной образования Закавказской Демократической Федеративной Республики? Во всяком случае, не интеграционные процессы в Закавказье. Ее возникновение в первую очередь было обусловлено ослаблением России, вызванным февральской революцией 1917 года, а также необходимостью выживания в ходе турецкой агрессии. Смена формы правления Закавказьем с наместничества, имевшего форму строгой вертикали власти, на более демократический Особый закавказский комитет привела к развитию центробежного национал- и социал-демократического движения в регионе, хотя справедливости ради надо отметить, что ни этот комитет, ни в дальнейшем Закавказский комиссариат не ставили перед собой цели отторжения от России. В первой декларации комиссариата подчеркивалось, что «власть эта сконструирована временно, лишь до созыва Всероссийского учредительного собрания».

Лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания вспоминал: «Мы еще надеялись, что в России смогут положить конец большевизму, сумеют создать нормальное правительство». Решение о разрыве связей с Советской Россией пришло позже, после разгона большевиками Учредительного собрания России в ночь на 6 января 1918 года, когда стало ясно, что большевики власть не отдадут. Последним же аккордом к созданию независимой Закавказской республики стало подписание Брест-Литовского мира, согласно которому Советская Россия отказывалась от значительных территорий. В частности, на Кавказе к Турции отходили Карс, Ардаган и Батум.

В свою очередь молниеносный распад едва зародившейся федерации показал, что между армянскими, грузинскими и азербайджанскими представительствами стояли непреодолимые препятствия на пути к взаимопониманию. А образование независимых Азербайджана, Армении и Грузии к этническим, религиозным и политическим разногласиям добавило еще и взаимные территориальные претензии: практически сразу после провозглашения независимости, в том же 1918 году, вспыхнули армяно-грузинский, грузино-азербайджанский и армяно-азербайджанские конфликты, которые с различной интенсивностью длились вплоть до советизации всех трех республик. После ухода турок из ряда захваченных ими территорий в Закавказье, в том числе из областей Лори и Ахалкалак, в конце 1918 года возник локальный грузино-армянский конфликт, который, однако, был быстро прекращен. 9–17 января 1919 года в Тифлисе по инициативе английского командования была проведена грузино-армянская конференция, в результате которой в армянском Лорийском регионе была образована так называемая нейтральная зона под властью английского генерал-губернатора. Относительно же армянонаселенной области Ахалкалак было принято решение временно оставить ее под властью грузинской стороны. Одновременно началось наступление грузинских войск на Абхазию. В грузино-азербайджанском конфликте Тифлис претендовал на Закатальский район Азербайджана, населенный грузинами-ингилойцами, а Баку – на Марнеульский и Гардабанский районы Грузии, являвшиеся регионом компактного проживания азербайджанцев. Начавшийся конфликт вскоре перерос в интенсивные боевые действия, которые были приостановлены советизацией двух республик, не решившей, однако, сути конфликта.

А армяно-азербайджанский конфликт на почве Нагорного Карабаха и Зангезура вылился в полномасштабную и кровопролитную войну.

Вывод первый

К моменту провозглашения своей независимости Азербайджан, Армения и Грузия пришли без ясных и взаимопризнанных государственных границ. Самостоятельных государственных образований в Закавказье не было с незапамятных времен: с VII по XV век территория подвергалась нашествиям арабов, византийцев, турок-сельджуков, монголо-татар, с XVI по XVIII век Закавказье было предметом раздора между Турцией и Персией, время от времени в большом количестве возникали различные мелкие княжества и ханства, а в XIX веке вся территория современного Закавказья была включена в состав Российской империи. В результате бесконечных войн жителям азербайджанских, армянских и грузинских городов и сел приходилось кочевать с места на место, что в итоге образовало национальную чересполосицу и диаметрально противоположное понимание автохтонности того или иного народа на территории конкретных районов. В такой ситуации, в момент провозглашения независимости между новообразованными республиками не могло не возникнуть разногласий в вопросе определения границ, что, в свою очередь помноженное на многовековые локальные межэтнические конфликты и религиозное различие, привело к серьезным вооруженным столкновениям, в немалой степени провоцируемым извне.

Таким образом, проходившая под лозунгом «права первородства» борьба за спорные территории по существу была ничем иным, как банальным перетягиванием одеяла новообразованных республик. И кровопролитие было прекращено лишь тогда, когда Закавказье было советизировано – когда молодые республики получили нового общего патрона в лице большевиков, а вопрос определения собственных границ вышел из сферы их компетенции и в какой-то мере потерял свою остроту.

Попытка вторая

В 1920–1921 годах не прекращались всякого рода провокации Закавказья со стороны Ирана и особенно Турции. Последняя вела, по существу, военные действия против советских республик, и очень важно было сплотить закавказские государства как на военном, так и на дипломатическом фронтах. В этом отношении серьезное место занимали разнообразные переговоры Закавказских республик, завершившиеся Карским договором с Турцией, который подтвердил суверенитет советских Азербайджана, Армении и Грузии над их территориями. В определении границ названных республик возникли две проблемы: с одной стороны, Турция старалась тем или иным способом взять некоторые земли под свой контроль (часть Армении, включая Нахичевань, Аджарию), с другой стороны, возникла проблема ряда республик (Абхазия, Аджария), которые хотели получить статус независимых, а не автономных. Карский договор закрепил Нахичевань за Азербайджаном, но обязал его предоставить области определенную автономию. Суверенитет над Батумом и его округом был закреплен за Грузией. В ходе работы Карской конференции родилась и идея объединения Закавказских республик в федерацию. Вскоре после этого о ней шел разговор и на заседании Кавказского бюро РКП(б). В ноябре 1921 года идея Закавказской федерации уже широко и бурно обсуждалась в партийных организациях Закавказья, а затем решение этого вопроса было передано в центральные партийные органы, в Москву. Все это происходило очень и очень негладко, поскольку в Грузии создалась оппозиция, направленная против объединения республик, но в итоге идея была в принципе одобрена.

В результате подготовительной работы 12 марта 1922 года полномочная конференция Центральных исполнительных комитетов Закавказских республик приняла Союзный договор об образовании Федеративного союза социалистических советских республик Закавказья. По существу, впервые в истории Закавказья создавалось классическое федеративное объединение: три государства соединялись в нечто новое. Органы Закфедерации помещались над органами всех трех республик, входивших в объединение на равных правах. По существу же Закавказский федеративный союз был не федерацией, а конфедерацией, поскольку конструкция государственных органов была еще довольно слабой и несовершенной. Такой неопределенный характер Закфедерации сохранялся до середины декабря 1922 года, когда она была преобразована в безусловно федеративное государство – Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, ставшую членом-учредителем СССР, равноправным с ранее возникшими республиками – РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР. 30 декабря 1922 года на съезде Советов, где были представлены делегации РСФСР, Украины, Белоруссии и ЗСФСР, было провозглашено образование СССР. Союз строился на модели,

выработанной в Закавказье. Это сохранялось вплоть до 1936 года, когда ЗСФСР была распущена и вторая Конституция Союза ССР решила проблему по-другому, наделив Азербайджан, Армению и Грузию суверенными правами.

Вывод второй

Таким образом, провозглашение Советской власти, осуществление большевиками единого руководства закавказскими организациями привело к созданию второго после Закавказской Демократической Федеративной Республики единого государственного образования в Закавказье и первому после 1918 года шагу в направлении консолидации отведавших независимости Азербайджана, Армении и Грузии. Конечно, можно было включить уже советизированные Закавказские республики в состав СССР и по отдельности, однако слишком живы были еще в народах воспоминания о недавних кровопролитных войнах, и фактическое утверждение республик в каких бы то ни было границах могло в тот момент привести к непредсказуемым последствиям. Объединение же их в единое федеративное государство с дальнейшим вхождением в СССР, с одной стороны, давало большевикам возможность централизованного управления всем Закавказьем, а с другой – снижало значимость предмета конфликта – оспариваемых пограничных «исторических территорий». С другой стороны, этот процесс требовал адекватной тонкой и мудрой политики центрального союзного руководства, соответствующей национальному возрождению. В ином случае загоняемые до поры до времени внутрь национальные чувства и их игнорирование таили в себе потенциальную опасность взрыва национализма при неблагоприятном раскладе событий. К сожалению, в дальнейшем руководство СССР мало задумывалось об этом, щедрой рукой нарезая территории отдельным государственным образованиям, даже если коренные жители и не составляли на них большинства населения, или легко передавая их «из рук в руки», от одной республики к другой, создавая таким образом еще один потенциальный источник напряженности.

История повторяется

Нельзя сказать, что межнациональные отношения в Закавказье в годы Советской власти были безоблачными. В частности, определенная напряженность между грузинами и абхазами, между армянами и азербайджанцами, вызванная как самим административным подчинением, так и неумелой политикой в отношении нацменьшинств руководителей микроимперий – Грузии и Азербайджана, – имела место всегда и время от времени выливалась в акции протеста различной интенсивности. Однако своего апогея все это достигло лишь после 68 лет их более или менее мирного сосуществования, когда централизованное управление новой «русской империей», каковой по существу являлся Союз Советских Социалистических Республик, ослабло в очередной раз. Можно по-разному относиться к проводимой в СССР национальной политике, но верно одно – в условиях сильной централизованной власти межнациональные распри не могли достичь такого разгула страстей, какой произошел в конце 1980-х и не утихает по сей день.

В конце 1987 года на волне объявленной перестройки и демократизации страны началась борьба карабахских армян за воссоединение Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР с Армянской ССР. 13 февраля 1988 года состоялся первый многотысячный митинг в центре Нагорного Карабаха городе Степанакерте. 20 февраля 1988 года на сессии Нагорно-Карабахского областного Совета народных депутатов было принято решение о ходатайстве перед Верховными Советами СССР, Азербайджанской ССР и Армянской ССР о передаче этого образования из состава Азербайджана в состав Армении. Этому предшествовали аналогичные решения районных Советов. 22 февраля из приграничного с Нагорным Карабахом азербайджанонаселенного Агдамского района на Степанакерт двинулась многотысячная толпа «для наведения порядка». Кровопролитие удалось предотвратить с большим трудом.

В Армении поднялась волна массовых выступлений – 26 февраля в Ереване состоялся миллионный митинг в поддержку требования о воссоединении Нагорного Карабаха с Армянской ССР. В феврале 1988 года был образован оргкомитет, который руководил митингами и демонстрациями. Сразу вслед за этим, 27–29 февраля 1988 года, в городе Сумгаите начались массовые погромы и убийства армян. Состоявшийся 27 февраля в Сумгаите митинг закончился тем, что первый секретарь сумгаитского горкома коммунистической партии Муслимзаде, взяв в руки государственный флаг Азербайджана, повел за собой огромную толпу. В течение трех дней резни и погромов десятки армян были убиты, сотни ранены, огромное количество подверглось насилию, пыткам и издевательствам, 18 тыс. человек стали беженцами... 15 июня 1988 года Верховный Совет Армянской ССР дал согласие на

вхождение Нагорного Карабаха в состав Армянской ССР на основе статьи 70 Конституции СССР. К тому времени уже несколько месяцев в Карабахе по сути действовало прямое правление Москвы, так как 24 марта ЦК КПСС назначило полномочным представителем центрального руководства в автономии Аркадия Вольского. 21 сентября Президиум Верховного Совета СССР объявил о введении режима чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области.

Период времени до 1991 года можно охарактеризовать как период ведения бесплодных переговоров (как с участием Москвы и Еревана, так и двусторонних – между руководствами Нагорного Карабаха и Азербайджана), принятия Москвой и Баку неосуществляемых решений, возникновения целой армии беженцев как с одной, так и с другой стороны, локальных вооруженных столкновений между армянами и азербайджанцами как в самом Нагорном Карабахе, так и на армяно-азербайджанской границе. 2 сентября 1991 года в Степанакерте состоялась совместная сессия Нагорно-Карабахского областного и Шаумянского районного Советов, которая приняла Декларацию о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики в границах автономной области и Шаумянского района. Председателем исполкома республики был избран Леонард Петросян. В ответ на это азербайджанская сторона впервые подвергла Степанакерт обстрелу из ракетных установок типа «Алазань». 23 сентября в Железноводске (Россия) по инициативе Бориса Ельцина и Нурсултана Назарбаева прошли переговоры между делегациями Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха по вопросу урегулирования карабахского конфликта. Было принято совместное коммюнике, однако уже 25 сентября был осуществлен первый артиллерийский обстрел Степанакерта из близлежащих азербайджанских населенных пунктов, ставший фактическим началом армяно-азербайджанской полномасштабной войны. 5 мая 1994 года при посредничестве России, Киргизии и Межпарламентской Ассамблеи СНГ в столице Киргизии Бишкеке Азербайджан, Нагорный Карабах и Армения подписали протокол, вошедший в историю урегулирования карабахского конфликта как Бишкекский, на основании которого была достигнута договоренность о прекращении огня. С 9 по 11 мая проходило оформление российским посредником договоренности о повсеместном прекращении огня. Документ был подписан главами оборонных ведомств Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха. Соглашение вступило в силу 12 мая 1994 года и действует по сегодняшний день.

В тот же период времени в фазу войны вошли и грузино-абхазский и грузино-югоосетинский конфликты. Южная Осетия и раньше лелеяла мысль о выходе из Грузинской ССР и об объединении с Северной Осетией в рамках РСФСР, а на волне перестройки начала открыто требовать этого. 20 сентября 1990 года власти автономии во главе с Торезом Кулумбековым заявили о провозглашении Республики Южная Осетия в составе Грузии. В ответ президент Грузии Звиад Гамсахурдия заявил о ликвидации автономии и образовании на ее территории особой области Шида Картли. 8 января 1991 года министр внутренних дел Грузинской ССР Давид Хабулиани заявил, что осетинское население должно покинуть пределы Грузии. На следующий день, выступая на чрезвычайной сессии Верховного Совета Грузии, Гамсахурдия призвал защитить грузинскую землю от «агрессора – осетин и русских». 14 января грузинской милицией в Цхинвали были завезены гранатометы и огнеметы, неделю спустя в город вошла большая группа грузинских вооруженных боевиков «Мхедриони», чуть позже очаг напряженности переместился из Цхинвали в осетинские села, откуда началось массовое изгнание осетин. В результате боевых действий было убито более 2 тыс. человек. 29 мая 1992 года был принят Акт о государственной независимости Республики Южная Осетия. При посредничестве Президента РФ Бориса Ельцина в июле 1992 года было объявлено о прекращении огня, за соблюдением этого следят Смешанные силы по поддержанию мира, состоящие из российских, грузинских и южноосетинских воинских подразделений. Часть жителей вернулась в свои дома, но, по некоторым оценкам, около 50 тыс. человек все еще остаются беженцами.

В период войны, 19 января 1992 года, в Южной Осетии был проведен референдум по вопросам провозглашения независимости и присоединения к России. Подавляющее большинство жителей высказались за, и 29 мая 1992 года парламент республики опубликовал акт о государственной независимости. Война закончилась в июле 1992-го. Согласно Дагомьсскому соглашению, в республике были размещены трехсторонние (российские, грузинские и южноосетинские) силы по поддержанию мира, основу которых составил российский батальон. Сейчас 98% из 70 тыс. осетинского населения имеют российские паспорта, еще тысяча человек из 20-тысячного грузинского населения Осетии подали документы на их получение.

В Абхазии причиной конфликта являлись прежде всего противоречия в отношении статуса республики в рамках Грузии. Абхазия была автономной республикой в составе Грузинской ССР, но когда Грузия добилась независимости и к власти пришел радикальный националистический режим Звиада Гамсахурдия, Абхазия начала жаловаться на то, что Тбилиси посягает на ее автономию, и требовала равного с Грузией статуса в рамках свободной конфедерации. Грузинская сторона отвергла эти требования, опасаясь, что они будут лишь первым шагом к независимости, отсоединению Абхазии,

и в августе 1992 года грузинские войска и военизированные формирования вошли в республику. Абхазы при содействии национальных движений Северного Кавказа оказали ожесточенное сопротивление. К концу 1993 года большая часть грузинского населения Абхазии была вынуждена бежать. По некоторым данным, число беженцев превышает 200 тыс. человек. Российские войска под эгидой Миротворческих сил СНГ, образованных в начале 1994 года, патрулируют линию прекращения огня. ООН активно поддерживала мирные переговоры, назначив в мае 1993 года специального посланника по этому конфликту, а Миссия ООН по наблюдению в Грузии осуществляет мониторинг приграничной зоны.

Надо отметить, что проблемы Закавказья на этом не заканчиваются: на повестке дня все более накаляющиеся отношения между Тбилиси и армяно- и азербайджанонаселенными районами Грузии – Джавахети и Квемо Картли, где армяне и азербайджанцы в начале 1990-х годов поднимали вопрос о своем выходе из состава страны и присоединении к соседним республикам. Иначе говоря, в Джавахети и Квемо Картли можно проследить «предконфликтную ситуацию», которая при наличии определенных обстоятельств может перерасти в открытое столкновение с целью сепаратизма или ирредентизма, как произошло в случаях с абхазским, югоосетинским, а также нагорно-карабахским конфликтами.

Вывод третий

Надо отметить, что территориальные конфликты характерны не только для Закавказья. Национальные меньшинства, компактно населяющие приграничные регионы, везде представляют собой «фактор риска». Существует два основных вида таких противостояний: сепаратизм и ирредентизм.

Американский профессор Дональд Горовиц дефинирует сепаратизм как «выход группы и занимаемой ею территории из-под юрисдикции государства, составной частью которого она является. Ирредентизм же есть объединение этнически родственного населения и его приграничной территории с родственным государством, которое готово их присоединить. За выходом из-под юрисдикции путем сепаратизма следует создание нового государства, а результатом ирредентизма является присоединение, аннексия определенной территории тем государством, которое выражает готовность присоединить ту или иную группу, но это не есть простая аннексия: в основе такой аннексии лежит этническое родство». Молодые республики Азербайджан, Армения и Грузия, во второй раз вставшие на путь независимости, во второй раз сталкиваются с проблемой пограничных межэтнических конфликтов, в которых, в определенном соотношении, присутствуют обе составляющие: Армения откровенно не против присоединения к ней провозгласившего независимость Нагорного Карабаха, а Москва с молчаливым одобрением прислушивается к доносящимся из также декларирующих свою независимость Абхазии и Южной Осетии просьбам войти в состав РФ. А сложность закавказских конфликтов, как уже было сказано выше, усугубляется еще и тем, что перед их началом пограничные оспариваемые территории не были моноэтническими, что позволяло конфликтующим сторонам делать утверждения об автохтонности собственных наций и спекулировать понятием исторической справедливости в решении фактически территориального вопроса. В результате погромов и военных действий произошло этническое размежевание, однако в данном контексте это вовсе не упростило, а наоборот, еще более усугубило ситуацию – к «справедливости» исторической добавилась «справедливость» по отношению к беженцам и насильственно перемещенным лицам.

Будет ли сделана третья попытка?

Некоторые политологи полагают, что на самом деле в Закавказье идут закономерные процессы – процессы создания национальных государств, такие же, какие в XVI–XIX веках происходили в Европе. Конечно, можно с этим согласиться, но в XXI веке действуют несколько иные механизмы сдерживания, нежели в XVI веке, и сегодня схема дикого строительства государств «агрессия – война – победа – новые госграницы» не срабатывает. И те межгосударственные конфликты, которые не решаются за столом переговоров, грозят затянуться на долгие десятилетия, как сохраняющийся почти 30 лет в состоянии «ни войны, ни мира» кипрский или длящийся уже более 60 лет и перемежающийся перманентными вспышками насилия арабо-израильский конфликты. На сегодняшний день конфликты в Закавказье в части военных действий «заморожены» вот уже 12 лет, однако за время фактического прекращения огня решение этих проблем не сдвинулось с точки замерзания. Все предлагавшиеся до сих пор варианты урегулирования отвергались то одной, то другой, а то и обеими конфликтующими сторонами одновременно – территориальные претензии обосновывались взаимоисключающими

аргументами.

Не останавливаясь на общеизвестных предложениях урегулирования грузино-осетинского, грузино-абхазского и армяно-азербайджанского конфликтов, не приведших за эти 12 лет ни к каким результатам, хотелось бы взглянуть на сложившуюся ситуацию с несколько иной точки зрения – с точки зрения предметов конфликта, а именно принадлежности территорий и их администрирования, ибо в конечном итоге все упирается в это. Сделанный в первых главах статьи краткий обзор новейшей истории конфликтов Закавказья показывает, что в условиях отсутствия межгосударственных границ возникавшие межнациональные конфликты носили локальный, кратковременный и несущественный характер. Более того, они не становились непосильным бременем для поколений, превращая их в жертвы ненависти своих предков: народы как минимум 200 лет жили бок о бок, не разделенные ни границами, ни международными миротворческими силами. За этот период лишь один раз конфликт перешел в стадию войны (в 1918–1920-х годах), да и то был быстро погашен советизацией Закавказья, то есть упразднением межгосударственных границ и установлением сильной наднациональной власти. И хотя политические элиты советских республик продолжали подковерную борьбу, все это не находило особого отражения в обществах – люди вместе жили, творили, создавали, заключали смешанные браки.

На самом деле сегодняшняя ситуация в регионе мало чем отличается от ситуации 1918–1920-х годов. Разве что приостановлены военные действия. Те же госграницы, то же столкновение геополитических интересов сверхдержав и разделительные линии, та же межнациональная вражда. Только продлилось все это не два года, как в начале XX века, а тянется долгие 12 лет и без видимых перспектив завершения на ближайшее будущее. Все предложения посредников основываются на существовании в Закавказье минимум трех независимых республик и не рассматривают возможности их объединения. Не рассматривается также возможность возникновения внешней по отношению к региону силы, которая, установив в Закавказье свое правление, может принудить всех находящихся в ее подданстве жить в мире. Такой, какой исторически была Россия.

Между тем идея формирования закавказской или, как принято сейчас говорить, южнокавказской федерации или конфедерации продолжает витать в воздухе и даже обретать некие зримые очертания. Кроме очень медленно, но все же набирающей обороты Южнокавказской парламентской инициативы в конце 2005 года произошли события, которые некоторые наблюдатели склонны увязывать именно с перспективой создания такого государственного образования. Речь идет о состоявшемся 29 ноября 2005 года в Армении референдуме по конституционным поправкам, который очень активно лоббировался европейскими структурами. В числе многочисленных поправок в реформированную конституцию вошли такие пункты, как снятие запрета на двойное гражданство, передача права решения вопроса о госграницах Армении от плебисцита парламенту республики, пожизненная неприкосновенность президента республики: его неподсудность за деятельность, следующую из его статуса на срок своих полномочий «и после него». Следует отметить, что именно по этим пунктам в республике развернулись основные разногласия. Сторонники южнокавказской федерации комментируют их следующим образом:

- двойное гражданство даст возможность быть одновременно гражданами и национальной республики, и конфедерации;
- определение границ парламентом облегчит образование административных границ и утверждение государственной границы по всему периметру Южного Кавказа;
- пожизненная неприкосновенность президента страны «в рамках его полномочий» позволит последнему избежать преследования за ущемление суверенитета республики, что неизбежно в случае вхождения в состав какого-либо гособразования.

Не следует оставлять без внимания и прозвучавшее опять же в конце 2005 года заявление ряда объединяющих выходцев из Армении общественных организаций Азербайджана о необходимости «предоставления им в Армении автономии и двойного гражданства».

Трудно сказать, в каком направлении будут развиваться события в Закавказье дальше. Определенно одно: любой вариант решения из числа официально предлагаемых ведет за собой победу одной и поражение другой стороны конфликта, что неминуемо станет в дальнейшем новым предметом внутривнутриполитических спекуляций элит конфликтующих сторон, а значит, и дальнейшего нагнетания атмосферы обоюдной неприязни. Официально стороны будут разведены, но конфликты не будут ни решены, ни даже загнаны вглубь, поскольку общественность «проигравшей» стороны будет оскорблена очередной «исторической несправедливостью», вину за которую она, не без помощи национальных властей, возложит не на международную общественность и посредников, а на «народ-победитель». Следовательно, единственным ресурсом действительного решения проблем Закавказья может стать лишь его объединение. Возможно ли это? Может ли Южнокавказская парламентская инициатива перерасти в парламентскую ассамблею, которой в дальнейшем могут быть делегированы

определенные полномочия? Смогут ли прийти к подобному решению Азербайджан, Армения, Грузия и три самопровозглашенные республики? Время покажет...

Игорь Мурадян. Сближение интересов США и Ирана на карабахской почве

НЫНЕШНИЕ ПРАВЯЩИЕ администрации США и Ирана принадлежат к политическим группировкам, осуществляющим некую политику «религиозной проповеди», что принято относить к определенным формам мессианства. Недаром с легкой руки политологов-академистов обе правящие команды отнесены к неоконсервативному направлению. При этом различия между идеями неоконсерватизма в США и Иране практически состоят только в сфере этики. Политика Джорджа Буша основана на идеях американского неонационализма и протестантского христианского фундаментализма, призывающих вернуться к традиционным ценностям христианского учения. Нет сомнений в том, что политика Буша представляет собой реакцию на определенные серьезные вызовы современного мира, усиление брутальности и хаоса, утраты контроля над очагами потенциальных макроконфликтов, а также неограниченное развитие свободной международной торговли и финансовых потоков, в результате чего США не могут сохранить не только свой статус супердержавы, но и свое место в мировой экономике.

Американская земля уже не одно десятилетие блуждает в поисках своего хозяина, во многом благодаря политике левых либералов, захвативших позиции в Демократической партии и вообще в политическом классе США и американском обществе. На США постоянно наступают цунами еврофашизма, еврокагэбизма, антисемитизма, нетрадиционных мотивов поведения. Традиционное общество в США не может не реагировать на эти губительные тенденции, но, к сожалению, команду Джорджа Буша во многом только декларативно можно рассматривать как неоконсервативную. Это не первый, но и не самый эффективный и адекватный «прорыв» к традиции, прежде всего христианско-фундаментальной и консервативно-революционной англосаксонской традиции. Примечательно, что именно правоконсервативные эксперты и аналитики в США пытаются пересмотреть взгляды и подходы в отношении Ирана, оперируя такими категориями, как «исламская демократия» и «исламское гражданское общество». Традиция в любой авраамической религии имеет один и тот же генезис, одни и те же примордиальные основания. Несмотря на демонстративную относительную лояльность Ирана к Европе и ведущим европейским государствам, именно США вызывают больший интерес в Иране как культура и социум, что особенно явно проявляется в отношении к исламским группам в Европе и в США (мелочи, но интересные мелочи).

Даже при явных признаках общности идеологической парадигмы довольно сложно проиллюстрировать корреляцию между пирамидальными конспирологическими проектами и конкретными политическими задачами, особенно в «темных углах бессознательного», каким представляется этнос. События в Ираке оставили в тени многие процессы и события, которые в совокупности подтверждают то, что США осуществляют совершенно новую политику в регионе Большого Ближнего Востока. Из всего того, что лежит на поверхности, приведем следующее.

США кардинально пересмотрели свою политику в отношении Турции, что стало результатом серьезного переосмысления, которое происходило не с 2003 года, а с момента ухода из жизни и политики Торгутта Озала.

США сделали все, чтобы не допустить Турцию в Центральную Азию и на Кавказ в качестве доминирующей и конкурентоспособной державы.

США привели Турцию к глубокому системному экономическому кризису в конце 90-х годов, который длится до сих пор, что сорвало планы Турции в части приобретения новых систем вооружений.

США осуществляют последовательную политику дистанцирования от Турции государств Балкан, Кавказа, Центральной Азии и арабского мира.

США совместно со своими партнерами создали на Севере Ирака курдское государство, угрожающее Турции.

Декларативно настаивая на включении Турции в Европейское сообщество, США привели это сообщество к кризису и развалу, не оставляя шансов и самой Турции.

США построили в Азербайджане клановое, сильно зависимое государство, не способное принимать самостоятельные решения по части национальной безопасности.

США уничтожили патологически враждебный Ирану режим Саддама Хусейна и открыли перед Ираком и Ираном перспективу сближения и сотрудничества.

США уничтожили других врагов Ирана – режим талибов в Афганистане, открыв путь

сотрудничества с Ираном, который теперь располагает значительным влиянием в Герате, Хазарейстане и в таджикских провинциях.

Американские эксперты и политические проектировщики (кроме Фонда «Харитедж») никогда не рассматривали перспективу расчленения Ирана по религиозно-этническому признаку, считая это совершенно неприемлемым для США.

Иранская тема, рассматриваемая в наиболее авторитетных американских консалтингах, однозначно исключает примитивные схемы и рассуждения.

Несомненно, США никогда не позволят Израилю применить ядерное оружие против Ирана. Американско-иранские отношения далеки от идиллических, но катастрофы не произойдет, пусть на это никто не надеется.

США не стали жестко реагировать на радикальные выступления президента Махмуда Ахмадинежада, с интересом рассматривают членов новой правящей команды Али Лариджани и Манучера Моттаки, всегда были готовы на контакты с людьми Али Акбара Хашеми-Рафсанджани.

США более не интересуются проблемой Мегринского коридора, тем более весьма далеки от идеи его разблокирования в интересах Турции и Азербайджана, а также более не проявляют интереса к задачам урегулирования турецко-армянских отношений, выстраивая свою политику в отношении Армении как важного стратегического резерва своей политики в регионе, не возражают против сооружения ирано-армянского газопровода.

США совершенно не заинтересованы в ухудшении отношений с Ираном, оказавшись в весьма тяжелом военно-политическом и экономическом положении, рассчитывая на снятие ряда «непринципиальных» проблем в регионе Большого Ближнего Востока.

В условиях нарастания влияния суннитского движения «Братьев мусульман» в Египте, Иордании и Палестине в результате свободных выборов Иран, как стабильная и неагрессивная страна, рассматривается несколько иначе, в ракурсе пересмотра американцами принципов свободы и демократии в исламском обществе.

В США существует мощное проиранское лобби, представленное ведущими нефтяными компаниями Техаса, тесно связанными с семьей Джорджа Буша. Религиозные и общественные лидеры христианско-фундаменталистских конгрегаций США, а также многие блестящие американские интеллектуалы с огромным интересом вглядываются в консервативно-революционный политический и этический опыт Ирана, а иранская интеллигенция с большой симпатией и интересом относится к американской культуре и традиции менеджмента.

США и Ирану незачем расконсервирование карабахской проблемы, появление в регионе каких-либо миротворцев, что приведет к новому, теперь уже неконтролируемому макроконфликту. Вездесущий тезис о заинтересованности США использовать территорию Азербайджана и тем более Низинного Карабаха для атаки на Иран представляет собой полную ерунду. США вполне устраивает тот формат военно-технических отношений с Азербайджаном, который существует. (Функция Азербайджана в военных задачах США в переводе с английского на русский означает «камешек для перехода речки вброд».)

США и Ирану незачем катастрофическое ослабление Армении и тем более ликвидация армянского государства, что произойдет с утратой карабахской провинции. США и Ирану незачем чрезмерное усиление турецко-азербайджанского блока, полный турецкий контроль над энергокоммуникациями.

Даже некоторое улучшение американско-иранских отношений позволит США успешно решить многие проблемы в регионе, что предполагает также сотрудничество с соседними с Ираном государствами. Нынешняя стабильная ситуация в карабахской провинции вполне и однозначно устраивает США и Иран. У европейцев и у радетелей интересов Турции и Азербайджана в США и Иране нет шансов вернуть армянство карабахской провинции к прежнему состоянию гетто в Азербайджане, как это имело место 70 лет периода советской либеральной империи.

Восстание меньшинств. Косово. Молдавия. Украина. Грузия. Курдистан

Серия: Евровосток

Антология

Издательство: Европа, 2006 г.

Мягкая обложка, 184 стр.

ISBN 5-9739-0059-2

Тираж: 1000 экз.

Формат: 60x84/16